

Женщины НИКТО

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

- ТЫ КРАСИВАЯ, КЛАССНО
ВЫГЛЯДИШЬ И В ПОСТЕЛИ
ПРОСТО ОГОНЬ, НИКТО
НЕ СПОРИТ... НО ДУМАЛА
ЛИ ТЫ, ЧТО БУДЕТ С ТОБОЮ
ЧЕРЕЗ ПЯТЬ, ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ,
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ?

И ВОТ ТЕПЕРЬ ПОЛИНА
СМОТРЕЛА НА МОРЕ
И ПЛАКАЛА, НЕ МОГЛА
НЕ ПЛАКАТЬ. ВСЕ ВЕРНУЛОСЬ
НА КРУГИ СВОИ, ОНА -
СТАРЕЮЩАЯ ОДИНОКАЯ
КОКОТКА, НИКТО,
НИ КАРЬЕРЫ, НИ СЕМЬИ,
НИ ОДНОЙ ЗАВАЛЮЩЕЙ МЕЧТЫ,
ЧТОБЫ ВСЕМИ СИЛАМИ
БОРЬТЬСЯ ЗА ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ.

Маша Царева

Женщины Никто

«ЭКСМО»

2009

Царева М.

Женщины Никто / М. Царева — «Эксмо», 2009

Они – пустое место, они – никто. Они похожи, хотя их жизнь такая разная. Обеим хорошо за тридцать, но одна – порхающая диковинная бабочка в вуали золотого загара, пахнувшая мускусом и миндалем, отравленная ботоксом и роскошью. Другая – измученная тяжелым бытом и гнетом меланхолии «разведенка», брошенная мужем-алкоголиком. У обеих яркое прошлое и смутное будущее. Обе понимают, что к своим «за тридцать» не нажили вообще ничего, кроме воспоминаний. Им страшно, что будущего нет. Новый роман Маши Царевой – нежный, иногда грустный, местами довольно циничный. История разочарований и бессмысленного бега по кругу, о том, что вместо пассивного ожидания козырной карты можно смело открывать новые двери и хотя бы к середине жизни наконец научиться стать ее единственным капитаном.

© Царева М., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Байка о женщине-никто по имени Инна	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Царева Женщины Никто

Неправда.

Только не это.

Только не она.

С ней могло случиться все, что угодно: подыхая в огненном водопаде предменструальной истерики, она могла переколотить бабушкин трофейный хрусталь, а в порыве экзистенциальной меланхолии – всю ночь декламировать Бродского изумленному незнакомцу. В былые времена она была способна на затяжной парашютный прыжок, театрализованную слежку за изменившим мужчиной, эзотерическое путешествие по индийским ашрамам, десятидневное голодание.

Все, что угодно, все, что угодно.

Кутить всю ночь напролет, как будто бы это не ее тридцатипятилетний юбилей три года назад с размахом отмечали в «Метрополе», как будто бы у нее вообще возраста нет.

Дозированную любовь-на-полчаса с банкиром NN, который жил в квартире напротив. У него лысина, а изо рта почему-то всегда пахло сыром дор-блю. Его нежное «милая» (когда пальцы путали ее волосы) удивительным образом трансформировалось в светское «милочка» (когда они случайно сталкивались на каком-нибудь приеме и на его руке висела едва втиснувшаяся в шестнадцатый британский размер законная супруга). Британский – потому что к таинству шопинга она приобщалась исключительно в «Хэрродсе», где у NN был личный консультант.

А Полина с ним два года спала. Время от времени. И даже вот такая унижительная новизна близости с NN и ему подобными гарантировала ей статус, к природе которого она за свои почти сорок успела привыкнуть, но все никак не могла ее постичь.

Почти сорок. Ужас-то какой. Но это неважно – выглядит она максимум на двадцать восемь. Свежа, как консервированный кукурузный початок. А тоску в глазах всегда можно разбавить увлажняющими каплями.

С ней могло произойти все, что угодно, ее жизнь всегда была непредсказуемой, и в принципе она была готова ко всему.

Но то, что случилось с Полиной Переведенцевой в тот день, было больше похоже на липкий ночной кошмар – от таких просыпаешься с подступившим к горлу колотящимся сердцем и не можешь уснуть, пока не глотнешь новопассит и четверть часа бессмысленно не потаращишься на фонари в окне.

Молодой врач смотрел на нее с таким выражением лица, словно заключил сам с собою пари: заплачет или сдержится. Если только Полина сама это не придумала в отчаянной попытке цепляться вниманием за мелкие детали, лишь бы подольше не услышать самого главного, того, за чем она сюда и пришла. А у врача этого таких, как она, три десятка в день: ну разве что они не носят туфель ручной работы из кожи игуаны и душатся не тысячедолларовым «Clive Christian», а чем-нибудь попроще из ближайшего «Л'Этуаль».

– Необходима биопсия, – он вздернул брови – густые, колоритные, они кудрявились на концах и были промелированы ранней сединой.

А в целом он был вполне ничего, этот врач. Но на Полину смотрел не как на красивую женщину, которая бездарно маскирует страх и отчаяние кокетством, а как на лабораторную крысу, объект изучения. И это было страшно.

– Вам в семнадцатый кабинет. Сдадите анализы, оплатите в кассе, в понедельник придете за результатами.

– В понедельник... Но сегодня четверг, – у нее пересохли губы. – Нельзя ли пораньше, как вы не понимаете...

– Я все понимаю, – перебил врач, который знал, что в коридоре его дожидается очередь из десяти с лишним человек, – но лаборатория уже закрылась, а завтра у нас санитарный день.

– Три дня... Три дня ада, – вздохнула Полина.

– Может быть, все и обойдется, – без особенного энтузиазма подбодрил ее врач.

Вывалилась в коридор – словно на сухой январский морозец из беспощадно протопленной бани. Женщины из очереди устали без стеснения, пытаясь прочесть по ее лицу: пан или пропал? Только одна из них, в повязанном по-старушечьи темном платочке, который старил ее желтое осунувшееся лицо, смотрела на туфли – наглые, сиреневые, с золотыми пряжками. Для нее Полинины туфли были не просто обувью – непрактичной, немного вульгарной и неприлично дорогой, но чудесным артефактом с другой планеты. Из мира где-то-запросто-носит-обувь-с-золотыми-каблуками.

Сама-то она давно переселилась на планету тех, кто от изматывающей химиотерапии поблевывает по утрам в больничное ведро, потому что нет сил доплестись до сортира. И, судя по ее обреченному потухшему взгляду, она была уже готова к спешному переезду на планету тех, кто однажды, в четверг, вызовет в палату нотариуса, чтобы отписать квартиру великовозрастной дочери, а дачу – малолетнему сыну, и все это с виноватой улыбкой и оговорками: «Так, на всякий случай».

У Полины перехватило дыхание.

Неужели и она... И она будет вот так же повязывать темный платок (или пусть даже шелковую шаль от «Hermes»), безучастно смотреть на мир, лениться подкрашивать пергаментное лицо, стучать винирами от внезапного холода, лысеть, блевать и, бессонными ночами корчась в объятиях боли, сожалеть о том, что черт дернул ее перевязать трубы и почему у нее совсем нет настоящих друзей, и даже некому завещать брильянты, потому что, кроме трех комплектов «Van Cleef» и одного «Bvlgari», у нее ничего, ничего, ничего по-настоящему ценного нет.

И как будто бы кто-то приглушил свет и включил неуместный на этой скорбной территории дискотечный зеркальный шар. Окружающий мир превратился в броуновское движение солнечных зайчиков, а из ее личного пространства испарился кислород. Колени стали ватными, и Полина беспомощно осела на стул.

Женщины из очереди взволнованно закудахтали. Никто больше не злился на нее за выпирающие из декольте загорелые груди, пресловутые туфли и вообще за то, что посмела явиться сюда с гляцевым маникюром и роскошной копной выбеленных волос.

Ха, мы теперь одной порченной крови, ты и я.

Кто-то поднес к ее губам стакан с пахнущей хлоркой водой. Чьи-то проворные пальцы юрко забрались под легкий шелк ее платья, щелкнула застежка бюстгалтера, и Полина инстинктивно оттолкнула руку фамильярной благодетельницы, но потом поняла, что так и правда намного лучше.

Кто-то гладил ее по руке.

– Ничего, девочка, все еще образуется. Диагноз – это еще ничего не значит, мне самой поставили четвертую стадию пять лет назад. По их прогнозам, меня и быть-то давно не должно. А я ничего, держусь.

Полина открыла глаза и увидела, что с ней разговаривает та, в темном платочке. Вблизи она казалась еще моложе – страшно-то как!

– Меня зовут Юля, – ее улыбка производила еще более кошмарное впечатление, чем ее образ в целом. Улыбка мумии, улыбка самой смерти. – Мне кажется, я вас где-то видела. Мы не могли встречаться раньше?

Конечно, эта Юлия ее видела. Полина Переведенцева не была знаменитостью в полном смысле этого слова, но ее лицо мелькало то тут, то там. Она вела небольшую передачу на музыкальном канале. Ее любили светские хроникеры. Однажды, пару лет назад, ее угораздило сняться в рекламе населенного бактериями йогурта. Режиссер мечтал заполучить ее в постоянные любовницы, но самым интимным их свиданием стал ужин в «Сеттебелло», где ему пришлось оплатить трехсотдолларовый счет, чтобы выслушать, что он не мужчина ее мечты.

– Ладно, – Полина храбро улыбнулась. Говорят, позитивный настрой помогает выжить в любой ситуации. А ее приговор даже не подписан, диагноза нет, и лучшее, что она может в этой ситуации сделать, – на три бесконечных дня постараться забыть об уплотнении, зреющем в ее левой груди. К тому же у нее с детства не получалось плакать на людях – наверное, это была своеобразная защитная реакция. – Мне еще на биопсию. А потом предлагаю выпить кофе. Тут напротив есть «Шоколадница», пойдешь?

– Надо же, какая ты, – восхитилась Юлия. – А у меня самой пять лет назад такая истерика была... В голос выла, мужа напугала. Еле успокоил, пообещал до конца пройти со мною этот ад. И его даже хватило на полтора года... А ты замужем?

– К счастью, нет, – сказала Поля.

И заплакала – неожиданно для себя самой.

Все называли ее Анютой, Нютой, Нютиком. И иногда она с досадой думала: имя – единственное, что у нее осталось молодого. С возрастом ее губы стали вялыми и сложились в скорбную гримасу, на шее прорезались вековые кольца тоненьких морщин, тело оплыло и, как дрожжевое тесто из забытой на батарее кастрюли, рыхло выпирало из юбки пятидесятого размера. А имя осталось. Не трансформировалось в солидную Анну Сергеевну или холодновато-почтительную Анну.

Ей было рано, непозволительно рано ощущать себя разочарованной и старой. И все-таки иногда Анюте казалось, что родовое семейное проклятие – ранний климакс – уже занесло над ее нераспустившейся женственностью свой ржавый топор. А ведь было-то ей всего ничего – тридцать шесть. Иные ее ровесницы еще скачут по танцуйкам, оголяют колени и на первый взгляд отличаются от двадцатилетних разве что наличием свободных денег, которые тратят со вкусом и без оглядки.

Анютин соседка Лола в день своего сорокалетия купила кожаную мини-юбку цвета «плаща тореадора», бухнула заначку на роскошные туфли. А когда возмущенный муж сказал, что в ее возрасте пора покупать не каблуки, а белые тапочки, Лола выразительно продемонстрировала ему средний палец правой руки и умчалась в ночь на своей раздолбанной «девятке», точно ведьма на метле. И теперь у нее роман с двадцатилетним сыном подруги, который рос на ее глазах и считал ее кем-то вроде любимой тетушки. Он из армии вернулся, и Лолин четвертый размер груди, упакованный в новые кружева, очень кстати выступил против его спермотоксикоза.

С Лолой не разговаривает подруга, не разговаривает муж – маленький патриархальный городок, в котором все они жили, не прощает латиноамериканских страстей. Зато на рассвете из ее спальни доносятся такие сочные стоны, что разбуженные соседи с байронической меланхолией вздыхают: а ведь были, мол, и мы когда-то молодыми...

Анюте даже некого бросить. Не на кого посетовать подружкам: валяется, мол, целыми днями на диване, смотрит, поганец этакий, хоккей, пива в него надо заливать больше, чем бензина в мощный внедорожник, зарплату домой не приносит, зато периодически приносит венерические инфекции, которые в качестве сувениров оставляют ему случайные любовницы. Василий ушел от нее так давно, что иногда ей казалось, что его вообще никогда и не было.

На комодке стоит черно-белая фотография: счастливая худенькая Нюта с ямочками на щеках и солнечным маем, запутавшимся в длиннющих ресницах. На ней белое платье из деше-

вого синтетического кружева и нелепая фата, а под руку ее держит красавец-блондин с улыбкой Делона. Сто лет назад... Другая Анюта, другой Василий, другая жизнь... Кто знал, что всего несколько лет потребуется, чтобы скромный интеллигент, мечтающий стать отцом как минимум троих детей, сохранивший мальчишескую привычку гонять в футбол по субботам, каждую копейку откладывающий на какую-нибудь красивую мечту вроде отпуска в горах Кавказа или брильянтового колечка жене, превратился в равнодушного алкоголика с щербатым ртом. Так незаметно это случилось...

Конечно, трезвенником он никогда не был, любил опрокинуть стопку ледяной водки за обедом, и иногда, после корпоративных попоек, его, зеленого и шатающегося, приводили домой совестливые друзья. А потом Васю уволили – на предприятии сократили штат, его должность упразднили. Анюта и подумать не могла, что ее мужчина окажется до такой степени не бойцом. Полгодика помыкался, разослал несколько резюме, нехотя сходил на парочку собеседований... А потом начались ницшеанские рассуждения под красное вино: кто он такой, чтобы начинать все сначала? Анюта пахла, как крепостная крестьянка, надеялась, что Вася опомнится и все вернется на круги своя. Но с вина он перешел на водку, потом на дешевый самогон, а однажды... Анюта до сих пор плачет, когда это вспоминает... Однажды отнес в комиссионку ее единственную дорогую вещь – каракулевую шубку с норковым воротником, его же свадебный подарок. Анюта шубу эту любила так, словно она была ее домашним животным. Любовалась, на лето надежно упаковывала в специально сшитый чехол, зимой с наслаждением выгуливала... Эта шубка была для нее больше чем просто красивой одежкой. Первый дорогой подарок любимого мужчины, в некотором роде символ семейной сытости. А Вася ее на водку променял. Уже тогда ей стало ясно, что их брак не протянет долго. Так и вышло – в один прекрасный день Василий собрал чемодан и отбыл к собутыльнице, продавщице универмага, крашеной блондинке с варикозными ногами, гнилыми зубами и смутными амбициями. Анюта и сейчас иногда встречает их вместе – они чинно прогуливаются по главной площади городка. Вася в телогрейке и засаленных брюках и его новая пассия с аляповато размазанным лицом. Пьют пиво прямо на улице, как безбашенные студенты, беззлобно матерятся и, кажется, уже давно пребывают в том особенном состоянии буддийского пофигизма, которое свойственно большинству русских алкоголиков.

Вот уже шесть лет Анюта пыталась ужиться с социальным статусом матери-одиночки. И иногда ей приходилось так трудно, что хотелось в голос завывать на луну. Лизонька, ее любимая девочка, нежный аленький цветок, родилась ровно через девять месяцев после их свадьбы, Анюте еще не было и девятнадцати. И все эти годы дочка была единственным источником света в ее унылой скучной жизни.

А теперь и ее нет...

То есть формально Лиза есть. Она звонит два раза в неделю и бодро врет, что все у нее хорошо, что пусть она не поступила во ВГИК, зато ее непременно возьмут в «Щепку», и она встала на учет в каком-то актерском агентстве, и у нее новая яркая жизнь, новые подруги, новые сапоги и свидание чуть ли не с самим Дмитрием Дибровым. Но в ее голосе чувствуется такая тоска, что после этих разговоров Анюта по два часа, запершись в ванной, плачет. Хотя запирается ей больше не от кого – может хоть в голос рыдать посреди гостиной.

Своенравная амбициозная Лизонька, дитя новой эпохи, уверенная в себе мечтательница, сразу после школьного выпускного бала отбыла в Москву, чтобы стать великой актрисой. А Анюта не смогла, не нашла в себе сил ей помешать. И каждый день она мечтала о том, что Лизонька образумится и вернется, что она поймет – лучше получить образование и стать признанной королевой в маленьком городке, чем очередной девушкой-никто в огромном мегаполисе. Но Москва уже вонзила в нежную Лизину шею свои вампирские клыки, отравила ее кровь желанием блеска, и Анюта ничего, ничего с этим поделать не могла.

И вот однажды ранним вечером Анюте позвонила московская приятельница Ирка. Так сказать, подруга детства. Когда-то их родители являлись гордыми обладателями соседних дачных участков. Четыре сотни, косенький дощатый туалет, грядки с морковью, которые заставляют полоть в самый неподходящий момент, когда все подруги бегут на пруд купаться; душистые смородиновые кусты, заклеенные пластырем коленки, побрякивающий велосипед... Беззаботное детство, которое три летних месяца Ирка и Анюта делили на двоих. Потом Ирка поступила в МГИМО, вышла замуж за сына посла какой-то латиноамериканской страны, обросла новыми реалиями – соболиными шубами, светскими раутами, впечатлениями от поездки на Гавайи, которыми неловко делиться с Анютой, так и не посмевшей перерасти заолустный тихий городок. Но связь они умудрились не потерять, наверное, из-за Иркиной патологической сентиментальности. Поздравляли друг друга с праздниками, иногда болтали по телефону, старомодно отправляли по почте фотографии, Интернета у Анюты не было. Не видели друг друга лет как минимум восемь, но основными житейскими новостями по привычке исправно делились.

Когда дочка ни с того ни с сего рванула в Москву, Анюта, естественно, сразу же позвонила Ирке. Они вместе позвдывали-посетовали на безголовую молодежь. У Ирки был пятнадцатилетний проб-лемный сын – то сделает пирсинг языка, то влюбится в фанатку «Динамо», то стащит из материнного кошелька триста долларов и потратит непонятно на что, то волосы в черный цвет выкрасит. Ирка обещала помочь. Попробовать разузнать о том, где на самом деле живет Лизавета, чем занимается и на что рассчитывает.

Когда в тот вечер Анюта услышала в телефонной трубке Иркин голос, она и обрадовалась, и испугалась. Обрадовалась – потому что любая информация лучше безвестности. А испугалась – ну мало ли, вдруг ей сейчас расскажут, что Лизавета приторговывает собою, шестнадцатилетней своей свежестью, на точке у Казанского вокзала? Или что она стала наркоманкой и воруется кошельки в метро, чтобы на дозу насобирать?

Но Ирка сразу ее разочаровала.

– Ничего узнать мне не удалось. Ее мобильный зарегистрирован на чужое имя. Ни в одном театральном вузе она не числится.

– Это я и так знаю, – вздохнула Анюта, – она бы сразу сообщила. Она вообще старается только хорошее рассказывать, жалеет меня.

– Хорошенькая жалость! – усмехнулась Ирка. – Бросила мать, вильнула хвостом и была такова. Слушай, а почему ты не попыталась к ней съездить?

– Она бы меня не приняла, – пожала плечами Анюта. – Я деньги откладываю... Вот насобираю, чтобы ей хотя бы пятьсот долларов оставить, тогда и поеду.

– Тогда мое предложение тебя заинтересует.

– Какое еще предложение? – насторожилась Анюта.

– Мою знакомую домработница обворовала, – не к месту пожаловалась Ирка. – Украла деньги, драгоценности, норковый пиджак. А казалась такой приличной девушкой, ее нашли через агентство. Оказалось, что у нее были фальшивые документы.

– А при чем тут я?

– Притом, что с моей знакомой это происходит уже в четвертый раз за год! И теперь она твердо решила искать прислугу только среди своих. И я почему-то сразу вспомнила о тебе.

– Ну спасибо, – криво усмехнулась Анюта.

Нет, она свое место знала. Лишних иллюзий по поводу собственной значимости не питала. Женщина-никто. Жена, которую бросили. Мать, которую оставили. Поломойка. Но Иркина походя брошенная фраза так неприятно кольнула... Ирка никогда раньше не пыталась подчеркнуть свой статус. Ей хватало такта нащупывать безболезненные темы для разговора, иначе бы эта странная телефонная дружба не продержалась бы столько лет. Информацию о

своем достатке, о своей сытой красивой жизни она выдавала дозированно и как бы между прочим.

– Подожди обижаться, сначала выслушай, – Ирка была отнюдь не душой, сразу все поняла. – Работа там непыльная. Квартира на Остоженке, триста метров. Жить надо там же. На тебе завтрак, ежедневная уборка, покупка продуктов ну и там химчистка, прачечная... Что-то вроде домоправительницы. А платит она тысячу. С первой же зарплаты сможешь своей Лизке помочь.

– Сколько? – недоверчиво переспросила Анюта.

– Тысячу долларов. Баба она невредная, если что, с ней легко обо всем договориться. У тебя будет почти каждый вечер свободный плюс один выходной... Конечно, ты можешь гордо мыть полы у себя... Но мне кажется, стоит соглашаться.

Анюта разволновалась. Закусила нижнюю губу – дурацкая детская привычка.

– Но почему такая зарплата большая? В чем подвох?

– Никаких подвохов, – рассмеялась Ира. – В Москве сейчас такие расценки на домработниц с проживанием. Мало того что в центре поселишься, все продукты за счет хозяйки, да еще и к дочке поближе будешь... Да что уж там, приезжай и посмотри на все сама. С Полей пообщаешься, подумаешь...

– Поля – это хозяйка квартиры? А кто она? Кинозвезда?

– Скажешь тоже, – усмехнулась Ирка. – Так, светская дама. В общем, уже никто. Ее зовут Полина Переведенцева. Постаревшая куколка с деньгами и без проблем.

Полина и Юлия сидели в «Шоколаднице» и не знали, о чем им говорить, двум незнакомкам из разных миров. Роскошная женщина в декольтированном платье, на которую все оборачиваются, не веря, что такой выхоленной красоты можно достичь не только с помощью программы фотопшоп. И субтильная дурнушка неопределенного возраста в не по погоде теплом пальто и старушачьей шали из козьего пуха – на нее тоже оборачиваются люди, но по другой причине, оскорбительной. Не верят, что этот полутруп с болезненной желтизной лица, тоненькими прозрачными ручками и черной тоской в равнодушных глазах способен самостоятельно передвигаться.

Юлия осторожно заказала апельсиновый сок. От густых кулинарных ароматов ее мутило. Она чувствовала себя неловко, злилась, что на нее все смотрят, проклинала себя за то, что согласилась пойти с этой самоуверенной дамочкой в кафе, придумывала предлог, чтобы вежливо уйти. Полина все это понимала. Она и сама начала раздражаться, что в порыве жалости к себе ее угораздило уцепиться за дырявый спасательный круг. Искать утешение у человека, который сам давно надежду потерял.

Надо же, как странно. Люди смотрят на них и не понимают, что у них общего. Может быть, думают, что Юлия – ее бедная родственница. Может быть, решили, что Поля – экстравагантная богачка, которая решила облагодетельствовать ужином первую встречную нищенку. Но вряд ли кто-то догадывается, что ответ скрыт в Полином wonderbra цвета фуксии. И в Юлиной накладной груди – ей давно сделали операцию. На силикон денег не хватило, и она заказала в немецком интернет-магазине пристежную грудь, которая напоминала прорезиненный бюстгальтер. Сначала носила ее каждый день, даже спала в ней, а потом, когда муж ушел, расслабилась, перестала смотреться в зеркало, какая уж там грудь... Только вот к врачу и надевала, чтобы симпатичная участливая онколог видела, что не все у нее так паршиво, как может показаться.

Они оба плывут на одном дырявом плоту, отчаянно пытаются грести против течения.

– Ну... За нас? – Полина подняла бокал. Она все никак не могла решиться, что заказать – вино или виски, в итоге попросила принести и то, и другое.

– За нас, – эхом повторила Юля. – Только на твоём месте я бы поменьше пила. Сейчас тебе надо делать все для укрепления иммунитета.

Москва – город хронических алкоголиков. Между утренним бокалом ледяного шабли и неперенной вечерней виски-колой Полина жадными глотками пила впечатления, настроения, людей. Все то, что город, как услужливый официант пятизвездного ресторана, подносил ей, не требуя чаевых. Она была хроническим жизнеголиком, с самого детства.

На Востоке считают, что человеку отведено определенное количество вдохов, и можно немного продлить себе жизнь, если медленнее дышать. Может быть, то же самое касается впечатлений? И если да, то она, Полина Переведенцева, уже как минимум четыре среднестатистические жизни прожила.

– А смысл? – пожала плечами Поля. – Я всегда много пила... Как тебе удалось смириться? Ты такой спокойной выглядишь, даже завидно.

– Нашла кому позавидовать, – криво усмехнулась Юля. – Я не смирилась, я привыкла. Ко всему можно привыкнуть. К тому же... Надежда остается. Я пережила все отведенные мне сроки, может, еще и выкарабкаюсь... А мой бывший муж в этом году снова женился. И его новая жена похожа на меня. Представляешь: она его ко мне ревнует.

– Ты симпатичная, – великодушно соврала Полина, отводя взгляд.

– Да брось, – рассмеялась Юля. – Но раньше была как конфетка. Лучше ты мне скажи, почему ты, такая шикарная баба, и не замужем.

– Я была замужем... – Полина нервничала, когда кто-то начинал любопытствовать о ее личной жизни.

Хотя от этой Юли было глупо ждать подвоха. Да и пресса в последнее время все меньше интересовалась Полиной Переведенцевой. Раньше она была почти звездой, ее называли первой светской дамой. Раньше – когда словосочетание «светская дама» не вызывало ироничной ухмылки и рублевско-бордельных ассоциаций. Она не просто работала любовницей, она умудрилась сделать из этой «профессии» культ, Полину воспринимали не как элитную давалку, которая получает «Порше» за минет, а как утонченную куртизанку, музу, символ престижа. Да и внешне она была похожа на женщину из прошлого. Многие сравнивали ее с французской актрисой Кароль Буке. Та же строгая сдержанная красота – никаких коллагеновых губ, похожих на липких гусениц, приклеенных к лицу, никаких вызывающе торчащих грудей, форма которых тотчас же выдает их неестественное происхождение, никакого гламурного инкубатора... Полину уважали. А потом... в светской хронике глянцевого журналов поселились проститутки, под нагло ухмыляющимися лицами которых тоже ставили подпись «светская львица». Полина перестала быть уникальной, она стала одной из тех, кто задорого продается. Над ней начали подтрунивать «желтые газеты», журналисты пробовали ее кровь на вкус. Деньги таяли. А мужчины, которые могли бы решить ее проблемы, обращали внимание на пятнадцатилетних клонов Натальи Водяновой. Наверное, маловероятно два раза подряд выдернуть из колоды козырного туза.

Два года назад Полина Переведенцева осветлила волосы, добавила немного силикона в губы, купила абонемент в солярий и решила играть по новым московским правилам. Но не получилось – ее подстерегла любовь. Любовь – самое худшее, что с ней когда-либо случилось. Если бы метастазы несчастной любви можно было бы вылечить химиотерапией...

Естественно, Полина не могла не вспомнить и о теории наказания и возмездия, все же она была рефлексирующей мазохисткой со стажем.

Что она делала не так, что?

Два аборта – давным-давно. Ей было слегка за двадцать. В первый раз что-то там не рассчитали с анестезией, и она проснулась, когда в операционной еще не успели убраться. Увидела кровавые ошметки в эмалированном тазу и вдруг поняла, что здесь произошло, и с тех пор *это* ей иногда снилось.

Она спала с нелюбимыми мужчинами из-за их денег, влиятельности, статуса и пять с половиной лет прожила с человеком, которого почти ненавидела и которой сделал ее тем, кем она считалась столько лет. Женщиной, которой завидуют. Его звали Петр Сергеевич. И он ее любил. А она брезговала садиться после него на стульчак унитаза.

Полина давно порвала со своей семьей – отцом, мамой, тетей. Только с младшей сестренкой иногда созванивалась и встречалась за ланчем. Полина привычно называла ее детским прозвищем Кнопка. Ей было одиннадцать, когда Надька родилась. Но сейчас Кнопка выглядела гораздо старше ее самой – после родов неприлично раздалась вширь, перестала выщипывать брови и будто бы нарочно пренебрегала чисткой лица. Кнопка тоже работала на телевидении. Только Полина находилась на высшей ступени пищевой пирамиды – ведущая, а Надя – где-то в самом низу, выдавала кассеты в архиве.

Полина не выбирала одиночество, ей его навязали. Ее родители были не то чтобы диссидентствующими интеллигентами, нет, они никогда не поднимали голос и не высовывали головы из своей уютной мещанской норки. Хронические беспартийные, которых сплотило тихое несогласие. Они мечтали о престижных гуманитарных профессиях для своих дочерей. А Полина стала манекенщицей, и это был первый удар. А потом и того хлеще... Когда она, двадцатидвухлетняя, переехала к Петру Сергеевичу, семья ее словно с цепи сорвалась. Мама, едва взглянув на его фотографию, завопила, что Полина проститутка, не уважает себя и готова спать с одышливым стариком за идиотское пальто. Кашемировое пальто было первым подарком практичного Петра Сергеевича, ему было больно смотреть на Полино оружие против московского января – замызганный китайский пуховик, из которого торчали свалывшиеся перья. А Полина-то, Полина пыталась смягчить удар, врала, что влюблена, что внешность не главное, и Петр Сергеевич – замечательный человек, глубокий, надежный. Ну а то, что у него вместо подбородка многослойное молочное желе, так что же, всегда можно сесть на диету... Родители, естественно, сразу раскусили ее вранье. И очень быстро из любимой старшей доченьки она превратилась в персону нон грата. Полина их так и не простила, усыпленная временем обида по-прежнему росла в ее сердце сладковатым могильным цветком.

Полина залпом допила виски. Юлия что-то монотонно рассказывала о своей жизни, о том, как в пятнадцать лет она чуть не стала королевой красоты районного масштаба, и о том, как познакомилась с мужем в Судаче, о том, как, распивая сладкое крымское вино из пластиковой бутылки, они дали друг другу клятву вечной верности. И о том, как он прятал глаза, уходя от нее навсегда.

Горячие солодовые глотки приятно грели пищевод, и постепенно Полина убавкивала тоску в мягкой колыбели равнодушия. Даже если это ее будущее сидит сейчас перед нею, зябко кутаясь в немодный пуховый платок, даже если утром вторника хмурая лаборантка отдаст ей листок с приговором, она будет бороться и надеяться. Ей будет проще, чем этой несчастной Юле, ведь ей уже нечего терять. Она все и так растеряла, сожгла все мосты, а те, что не сожгла, не успела достроить. Ни друзей, ни любимого, ни денег, ни детей. Но она будет верить в доброго ангела, она не потеряет самообладания, она справится.

Полина Переведенцева не была ясновидящей и не могла знать, что на самом деле ее доброго ангела зовут Анютой, и что тем же утром он успел побывать на вокзале и купить билет до Москвы, и даже поставил будильник, чтобы ненароком не опоздать на поезд.

Впрочем, и сам добрый ангел ни о чем подобном не задумывался: суетливо паковал чемодан, ломая голову, стоит ли брать с собою шелковую ночнушку в цветочек, если у нее все равно нет мужчины, и на кого оставить герань – жалко, если она погибнет, не выставить же в подъезд, чтобы алкаши с пятого этажа тушили в нее окурки; а может быть, забрать с собою. Вот удивится московская фифа, когда она появится на пороге со старомодным матерчатым чемоданом и раскидистой геранью в горшке! Господи, ну о чем она думает?

Дура.

Первая «Birkin» появилась у Полины восемнадцать лет назад, когда в России никто еще не знал историю об актрисе Джейн Биркин, которая однажды, в начале восьмидесятых, пожаловалась главе фирмы «Hermes», что никак не может подобрать себе удобную сумку, и тот пообещал нарисовать эскиз специально для нее.

В то время Москва едва распустила перышки после дефицита на еду и не могла в полной мере оценить искусственно созданный дефицит на роскошь.

Ее первая «Birkin» была строгой, шоколадно-коричневой. Любовник подарил. Полина еще подумала: фу, сумка. Ларе, с которой она в те времена вместе снимала квартиру, мужчины дарили золотые побрякушки, французские духи в громадных флаконах и даже меха. По сравнению с Ларой она, Поля, выглядела оборванкой.

Заметив тень черного разочарования на ее лице, любовник позволил себе неинтеллигентно намекнуть, что сумка стоит девять тысяч долларов и что вообще-то эту модель ждут не менее полутора лет. Просто ему повезло, одна знакомая отказалась.

Полина и Лара были начинающими манекенщицами. Молодые, безбашенные, жадные, смелые. Полину изгнали из семьи, но ей по сравнению с новой яркой жизнью этот факт казался сущим пустяком. Лара приехала в Москву из Волгограда. Они познакомились в агентстве и сняли одну квартиру на двоих – крошечную однокомнатную клетушку в Бибиреве. Одна спала на продавленной раскладушке, другая – на матрасе, брошенном на пол. Мебели в квартире не было – ели на коленках, а одежду горой сбрасывали на стул. Обе находились в том блаженном возрасте, когда неустроенность только веселит.

В то время модельный бизнес набирал обороты в Москве. Полина и Лара числились в крупнейшем агентстве – «Red Stars». Мотались по кастингам с утра до вечера, в переполненном метро, на высоченных каблуках, с увесистым портфолио под мышкой. Иногда покупали одну на двоих бутылку белого сухого вина и плитку черного шоколада; мерцание некрасивой хозяйственной свечи облагораживало их убогую кухню, они мечтали о том, как в один прекрасный день станут топ-моделями и переберутся в Париж или Нью-Йорк.

Оставаясь лучшими подругами, они находились в постоянном состоянии жесткой конкуренции. Обеих кастинг-директора относили к одному типу, у обеих была холодноватая северная красота, точеные лица с белой кожей и высокими скулами, красивый изгиб тонких губ, кошачий разрез глаз. У Полины – голубые глаза, а у Лары – зеленые. Однажды на каком-то показе они даже успешно изобразили близняшек.

Но вот парадокс: среди них двоих почему-то считалось, что Лара – стопроцентная красавица, а Полина – так себе, середнячок. На Ларису все мужики шею сворачивали, а у Полины уличные незнакомцы редко просили телефончик. Наверное, все дело было в поведении. Лариса держалась как коронованная особа, кинозвезда – плавный изгиб спины, всегда чуть вздернутый подбородок, низкий голос, завораживающий гипнотический взгляд. С мужчинами она расправлялась, как повар с картошкой. Да и работала больше Поли.

А Полина никак не могла отучить себя от детской привычки сутулиться, она почти не красилась, не умела кокетливо играть ресницами, носила брюки и самовязанные акриловые свитера.

Лариса возвращалась домой за полночь. О личной жизни не распространялась, Поля не спрашивала. И так было понятно, что с личной жизнью у подруги полный порядок. На ее лице прижилась та особенная улыбка сытой кошки, которая сразу выдает женщину, чьи ночи заполнены не только безмятежным сном. К тому же Ларисины вещи... среднестатистическая манекенщица не могла себе всего этого позволить: горжетка из соболя, пятнадцать пар вечерних туфель, французская дубленка, сапоги из змеиной кожи, эксклюзивная косметика, духи, золотые украшения.

Иногда Лара намекала, что ей покровительствуют такие мужчины, имен которых лучше не называть, потому что ей все равно никто не поверит.

Полина до сих пор помнит то смешанное чувство острой зависти и смутного восторга, которое она испытала, когда узнала, что Лару пригласили работать в Токио. Она и сама ходила на кастинг, но от нее отделались стандартной отговоркой о неподходящем типаже. А Лара подписала жирный контракт и уехала на полгода в Японию.

Наверное, она была для Полины неким энергетическим вампиром, черной воронкой, высасывающей всю ее возможную удачу. Потому что, как только Ларин самолет взмыл в серое небо над аэропортом Шереметьево, Полины дела пошли в гору.

Она познакомилась с Петром Сергеевичем.

Для него это была любовь с первого взгляда, лебединая песня, прорвавшаяся плотина нежности и страсти. Для Полины – шанс, джекпот, козырной туз.

Петру Сергеевичу было под шестьдесят, он давно пережил кризис среднего возраста. В свое время ушел от жены, оставив ей квартиру на Патриарших, обзавелся холостяцким гнездышком, оформленным в духе минимализма, которое больше подошло бы мачо из бразильского сериала. В этой квартирке побывали все заметные красавицы города. А потом Петр Сергеевич захандрил, вернулся к жене, увлекся снорклингом и коллекционированием антикварного оружия, растолстел, поскущел, успокоился... И тут Полина. Русоволосый ангел. Концентрация невинности с обкусанными ногтями. Худые коленки и хрустальный смех. А когда она наклоняется, на спине ребрышки видны.

Петр Сергеевич сошел с ума, пропал.

Их отношения развивались в ритме геометрической прогрессии. На третьем свидании он буквально изнасиловал Полю на пороге ее квартиры. А потом рыдал от счастья, уткнувшись в ее измятый подол.

В общем, когда еще больше похорошевшая Лара вернулась из Токио, судьба Полины была уже решена. Она переехала из Бибирева на Тверскую, прописалась на страницах глянцевого светской хроники в качестве «московской принцессы», обзавелась личным водителем, домработницей и капризными манерами, оставила модельный бизнес и получила в подарок кольцо. Правда, в итоге у Петра Сергеевича хватило ума на ней не жениться, и пятикартатник так и поблескивал на Полином пальце немым вопросом.

Они были вместе пять лет. И тогда Поле казалось, что это худшие пять лет в ее жизни. Изображать оргазм, когда ноги сводит от отвращения, вдыхать аромат его кариеса, закрывать глаза и пытаться представить на его месте Антонио Бандераса... Потом она осознала, что худшее ждет впереди. За Петром Сергеевичем она была как за каменной стеной. Никаких проблем, все вопросы решает его секретарь, щедрый денежный дождь сыплется на ее платиновую кредитку, будущее беззаботно, как апрельское небо.

Полина бы никогда не решилась с ним расстаться. В один прекрасный день Петр Сергеевич пригласил ее в ресторан «Красная площадь», она грешным делом подумала, что наконец-то ей предложат статус законной жены. Но нет, пряча глаза, он заговорил о микроинсульте, и о том, как страдают его дети, и о том, что он прочел все тома Блаватской и понял, в чем заключается смысл его жизни, и он хочет остаток дней безмятежно провести на даче в Барвихе.

Он оставил Полине денег. Много. Очень много.

Роскошная квартира на Остоженке была арендована на пять лет вперед. Машина осталась за ней, водителю продолжал платить Петр Сергеевич. Абонемент в салон красоты, фитнес-клуб, кредитка с солидным золотым запасом. Он был не подлым, не жадным и по-настоящему ее любил.

Петр Сергеевич выдвинул единственное условие: Полина никогда не должна искать с ним встреч. Ему будет слишком больно ее увидеть.

Сказка закончилась так же быстро, как и началась.

Нет, она не страдала по его гайморитному храпу, запаху его пота на простынях, его бесконечным «Полинушка, ты не замерзла?», «Полинушка, ты не проголодалась?» Но впервые она осознала, что ее будущее – это нечто бесформенное и смутное, как море на рассвете, когда не можешь определить, где небо, а где вода.

А Лариса вскоре бросила модельный бизнес. Вернее, ее потихоньку слили – на пятки наступали четырнадцатилетние с тугими попками и не нуждающимися в отбеливании зубами. Она устроилась секретарем на ресепшн, получала гроши, понемногу распродала меха и украшения.

Иногда они с Полей покупали бутылочку белого сухого вина и плитку темного шоколада и вспоминали общее прошлое. В мерцании дорогой ароматической свечи обе казались такими же свежими и хорошенькими, как раньше, когда все у них было впереди.

А в исцарапанном пластиковом окошечке Анютино бумажника – черно-белая фотография, с которой серьезно смотрит молодая девушка с простым русским лицом. Лиза, доченька, самая любимая на свете девочка, тварь, стерва, как она так могла с родной-то матерью. Нюта всю жизнь ей беззаветно посвятила, всю себя, по кусочку отрезая, отдала. Как только Лизонька родилась, Нюта перестала существовать как отдельное существо.

С самого первого дня, с того утра, когда мрачная гинекологиня грубо поинтересовалась: «Рожать будешь?» – уже тогда Аня перестала быть самой собой. А ведь ей едва исполнилось восемнадцать.

Лизонька еще не превратилась в плавного андроида, пуповиной прикованного к космическому кораблю, а Нюта уже о ней заботилась: по утрам ходила на рынок за свежим творогом, а по вечерам ловила старым радиоприемником классику. Подруги говорили, что классическая музыка полезна для развития малыша.

В младенчестве Лизонька была слабенькой и нервной. Вокруг капризно сложенных губ цвел диатез. Плохо набирала вес, мало спала, все время болела – первая пневмония пришла, когда ей еще и двух месяцев не исполнилось. Нюта в ногах валялась у маститых докторов, последние деньги тратила на шикарные коробки конфет, которыми можно ублажить районного терапевта. Устроила Лизоньку в лучшую в городе школу – там и сын директора центрального универмага учился, и дочь олимпийской чемпионки, и племянница народного артиста. У Нюты начался новый виток борьбы – кровавая бойня за создание иллюзии, что у Лизоньки все не хуже, чем у других. Сама ела присыпанные сахарком макароны, а дочка несла в школу бутерброды с балыком, надувала розовые кислотные пузыри из польской жвачки и топтала землю белоснежными кроссовками. Аня пахала на трех работах: по утрам мыла подъезды соседних домов, потом развозила почту на побрякивающем старом велосипеде, а вечерами посудомойничала в привокзальном ресторане – это было выгодно, там разрешали остатки продуктов с собою забирать.

Лизонька обладала всеми материальными индикаторами престижа: и Барби у нее были, и плеер, и кожаные штаны, и нарядная шубка из ярко-розового искусственного меха. Иногда Аня думала: неужели дочь не замечает ничего? Все-таки взрослая уже, почти семнадцать лет. Неужели не видит, какое серое у матери лицо, какие воспаленные глаза и как она едва в обморок не падает от хронического недосыпа? И что она никогда не носит юбки не потому, что расплнели ноги, а потому что в шкафу не осталось целых колготок? И что на ее зимних ботиночках уже в четвертый раз отклеилась подошва? Думала, вздыхала горько, качала головой, но потом гнала грустные мысли прочь, в очередной раз оправдывала дочку. Ну да, шестнадцать, но ведь это не так уж и много. Лизонька слабая, инфантильная, ранимая, она добрая девочка, просто еще совсем ребенок, а все дети, как известно, эгоисты.

Лиза, как голодный птенец, постоянно требовала. Новую одежду, туфли на каблуках, блеск для губ, нарядную сумку. Если Аня пыталась объяснить или хотя бы робко просила об

отсрочке, дочь бледнела, закусывала нижнюю губу, ее глаза заволакивало слезами. Аргумент был всегда один и тот же:

– Ага, а у Тани уже семь пар нарядных туфель! Все лучше меня, все! И так у меня нет отца, и так все меня жалеют, а ты еще не даешь нормально пожить! Я же знаю, знаю, что у тебя деньги есть, видела, как ты откладывала в тумбочку!

– Так это же на твоего репетитора, Лизонька, – Анюта беспомощно хлопала ресницами. – Тебе в институт поступать.

– Кому нужен этот институт, если молодость проходит мимо! – в голос ревела дочь. – Всех, всех мальчики на свидания зовут, одна я всегда в сторонке, как оборванка!

И Анюта не выдерживала, сдавалась. Они вместе шли в магазин – нарядная стройная дочка в модных вельветовых брючках и унылая усталая мать в старомодном плаще – и выбирали Лизоньке самые красивые туфли на свете.

Анютину подруга Тома, глядя на это, презрительно складывала губы.

– Неужели ты не понимаешь, твоя Лизка – бессердечная тварюга! Она тебя в гроб вгонит! Взрослая кобыла, а все на шее у матери сидит. Могла бы и подработать, тоже пару раз в неделю полы помыть. Глядишь, и узнала бы, как тяжело заработать на туфли.

Анюта вспоминала нежные белые ручки дочери. Лизонька никогда не занималась музыкой, ей не хватало усидчивости, однако природа наградила ее длинными гибкими пальцами пианистки. У самой Нюты ладонь была широкая, пальцы короткие, крепкие, рабочие.

– Не надо так, Томка. Лиза учится. Знала бы ты, какая у них в школе программа. Я хочу, чтобы она в институт поступила, чтобы у нее была крепкая профессия... Или пускай замуж выходит. Только не так, как я. Я ее и в школу эту устроила, чтобы она среди других людей вертелась, вырвалась из моего круга.

– И чего ты добила?!! Она же презирает тебя. Стыдится.

– Ничего подобного!

– Вот как? – усмехалась Тома. – А когда она в последний раз подружку домой приводила?

Анюта печально умолкала. У Лизоньки была своя, отдельная жизнь. Домой она приходила только для того, чтобы выспаться, поесть и переодеться. Нюта не знала, с кем дочка дружит, где бывает, чем живет. Иногда пыталась выпросить, но Лизонька только раздраженно морщила хорошенький нос: не твое, мол, дело. А Нюта списывала такое поведение на подростковую категоричность. Ничего страшного. Вот пройдет время, дочка образумится, поумнеет, нагуляется. Устроится и будет ей, Нюте, помогать. Вот тогда-то и начнется у нее заслуженное сытое счастье, вот тогда-то в ее шкафу и поселятся роскошные наряды, вот тогда-то она наконец сходит к мануальному терапевту – размять ломоту в натруженной спине. Может, и замуж еще выйдет. Но это все потом, а сейчас главное – Лизонька, ее распускающаяся взрослая жизнь.

– Твою-то, – презрительно щурилась Тома, – опять с сыном директора колбасного завода видели. Молодец, не теряется.

– Много ты понимаешь. У девочки первая любовь.

– Ну да, любовь к его прыщам и жирному задку. Все равно он на ней не женится. Принесет в подоле, будешь воспитывать ублюдка. Ты бы сказала ей, что она слишком вызывающе одевается. На таких не женятся.

Незадолго до этого разговора Лизонька выпросила у матери кожаную мини-юбку и ажурные чулки. Глаза она жирно подводила черным, к тому же взяла за правило приклеивать к векам пучки длиннющих искусственных ресниц – смотрелось это диковато, но подросткам нравится преувеличенная сексуальность. У Лизы были красная помада и лаковые сапожки на шнуровке. Анюта смотрела, как она идет через двор, тонконогая, с гордо вздернутым подбородком, трогательно перепрыгивает через лужи, чтобы единственную модную обувь не замарать. Смотрела – и у нее сердце сжималось от нежности и едва уловимой тоски. Она-то знала,

знала точно, что эта вульгарность – ненастоящая, напускная, а на самом деле Лизонька – нежный ребенок, невинное сокровище, наивное, ничего о жизни не знающее.

В тот день Нюта порвала с Томой навсегда. Тамара звонила потом, пыталась помириться, они дружили с двенадцати лет, за одной партой сидели. Но Анюта так и не смогла простить ей пренебрежительных разговоров о Лизоньке.

Анюта вспоминала последний разговор с дочерью.

Лизаветин выпускной бал.

Анюта понимала, что дочь ее стесняется – ее непрокрашенной седины и разношенных ботинок, ее несовременного вида, ауры унылой бедности, окутавшей все Анютино существо. У ее одноклассников были другие родители. Мамы могли сойти за старших сестер своих дочерей, отцы словно спустились на грешную землю с рекламного билборда дезодоранта «Олд Спайс». Загорелые, подтянутые, ни морщинки, ни неровности, ни единого седого волоска. Их блестящие волосы, их глянцевые ногти, их фарфоровые улыбки – все это было завораживающе нереальным. Ожившие журнальные картинки.

Перед Лизочкиным выпускным Анюта постаралась. Купила краску для волос – упаковка обещала благородный шоколадный оттенок, но на самом деле волосы получились неопределенно рыжими. Но все же лучше, чем неаккуратная седина. Сбегала к портнихе, та расставила швы на любимой черной юбке. Купила на рынке изумрудно-зеленую тунику, которая была настолько удачно скроена, что Нюта казалась почти худенькой. И – самое главное и дорогое приобретение – новая сумка! Продавщица впарила, сказала, что это последний писк московской моды, а в качестве аргумента сунула Нюте под нос потрепанный «Космополитен», где с похожей сумкой была сфотографирована Ксения Собчак.

Анюта решила устроить дочке сюрприз. В день выпускного сказалась больной, Лизавета будто бы обрадовалась, что мать не пойдет в школу. А когда Лизонька умчалась макияжиться к подружкам, Анюта прыгнула с кровати, ловко взбила кудри, как у Жюльет Бинош (когда-то ей говорили, что они с Жюльет – одно лицо, только Анюта, естественно, лучше), накрасила ресницы, приделась. По улице шла, как по подиуму, губы сами растягивались в бессмысленную улыбку. Боже, как давно, как давно она не была просто женщиной, беззаботной, легкомысленной, веселой, чья голова не кладезь мрачных мыслей о том, где бы денег раздобыть, а всего лишь постамент для очаровательных кудряшек. Встречный прохожий ущипнул ее за мягкую складку чуть пониже поясницы и сказал: «Хороша девка, да, жаль, не моя!» Ну да, он был нетрезв, ну и что, грубое внимание подвыпившего ловеласа – тоже комплимент.

Когда Лизонька увидела мать, у нее вытянулось лицо, но Анюта это не сразу заметила. Бросилась на шею дочери, весело воскликнула:

– Ага, не ожидала! Сюрприз! Думала, я не приду посмотреть, как моей конфетке вручают аттестат?

Лиза поморщилась и нервно огляделась по сторонам: много ли народу наблюдает за этой сценой?

– Мама, пойдем в сторонку, мне надо кое-что тебе сказать!

– Ты ничего не замечаешь? Я волосы покрасила! А тетя Люся с десятого этажа помогла мне выщипать брови. Куда ты меня ведешь?

Когда они завернули за угол, Лизино лицо исказила недовольная гримаса.

– Мама, зачем ты сюда пришла? Хочешь испортить мне праздник?!

– Почему испортить? – растерялась Анюта. – Я просто посмотреть хотела. Ты моя гордость, я хотела...

– Мама, ну почему нельзя было посоветоваться со мной?! – возопила Лизонька. – Где ты взяла эти кошмарные шмотки?

От удивления и обиды Анюта даже отступила на шаг назад.

– Почему... Почему кошмарные? Туника итальянская, мне так сказали.

– Воспользовались тем, что ты у меня лохушка, вот и сказали, – фыркнула Лиза. – Да от нее за версту разит грязным вьетнамским подвалом, где потные работницы круглосуточно шьют ширпотреб за три доллара в день. А твой макияж? Мама, тебе ведь уже тридцать шесть! Разве можно в твоём возрасте так краситься!

– Детка, но маме твоей подруги Даши почти пятьдесят, а ты посмотри на нее. У нее блески на веках.

– Да, потому что она выглядит как Памела Андерсон, а ты... Эх, – Лиза с досадой махнула рукой. – Но самое главное! Эта сумка! Если ты хоть немного меня уважаешь, ты должна ее выбросить!

– Ты что? – Аня чуть не задыхнулась от возмущения. – Она две с половиной тысячи стоит! Это самое ценное, что у меня есть. Между прочим, такая же есть у Ксюши Собчак, тебе ведь нравится Ксюша! Мне сказали, как она называется. Бер... Бир...

– «Birkin», – мрачно подсказала дочь. – Только ты знаешь, мама, сколько настоящая «Birkin» стоит?! Дороже, чем наша квартира, представь себе! Неужели ты не знала, что самый страшный грех – носить подделки!

– Я всегда думала, что самый страшный грех – это детоубийство, – уныло возразила Нюта.

– В таком случае знай, что этой сумкой ты убиваешь меня без ножа! Боже, надеюсь, тебя еще никто не увидел!

Соленая пелена заволочла Анятины глаза. Почему-то она вспоминала, как недобро усмехающаяся Тома говорила: «Кого ты воспитала, твоя дочь тебя презирает, стыдится!» Нет, не может быть. Просто у Лизоньки плохое настроение. Она нервничает. Экзамены были такими трудными. К тому же у нее первая любовь. А сумка... Ну подумаешь, сумка. Ее можно быстро отнести домой, раз Лизка так бесится. До начала торжественной церемонии еще полно времени. Все будет хорошо.

– Мама, ступай домой, – тихо попросила Лизонька.

– Конечно, – засуетилась Аня. – Возьму такси, быстро отвезу сумку и вернусь.

– Нет, ты меня не поняла. Возвращаться не надо. Я тебе потом фотографии покажу.

– Но... Но как же... Все же с родителями, – бормотала Нюта, а сама думала: «Только бы не заплакать, только бы не заплакать!»

– Мапочка, ну ради меня. Ну сама подумай, зачем нам это унижение? Ты же выглядишь хуже всех, над тобой люди смеяться будут! Неужели тебе будет приятно, что все будут о нас сплетничать? Говорить, что у Лизы мать оборванка с поддельной сумкой «Birkin»?

Терпеть больше не было мочи, огненные потоки вот-вот разрушат ветхую плотину.

– Ладно, – сгорбилась Аня. – Только ты аккуратнее. Позвони, когда поедешь домой, я тебя во дворе встречу.

– Мама... – Лизвета нервно закусил губу. – Я все не решалась с тобой поговорить... Думала оставить письмо, но потом закрутилась. Хотела тебе завтра позвонить из Москвы.

– Откуда? – встрепелась Нюта. – Вы с классом на экскурсию едете?

– Очнись, мам, класса больше нет, – улыбнулась Лиза. – Со школой покончено. Мы с Дашей Абрамцевой едем вдвоем, у нее там тетя. Мы станем актрисами.

Аня схватилась за сердце.

– Что? Ты же собиралась подать документы в педагогический!

– Скука смертная. Мы в «Шуку» поступим. А если не пройдем прослушивание, то во ВГИК. Короче, куда-нибудь да проскочим. У нас фактура. А остановиться можно у Дашкиной тетки на первое время. Потом нам дадут общежитие.

– Но, Лиза, это же бред какой-то. Почему ты не сказала ничего?! Ты хоть понимаешь, какая там конкуренция? Кому вы нужны, дуры две? – От волнения у нее сел голос и пропала способность логично аргументировать. – Вас же обманут, ограбят, да мало ли что.

Лиза спокойно наблюдала за этой тихой истерикой.

– Вот поэтому я ничего и не сказала тебе, мама. Ты все равно ничего бы не поняла. Ты меня никогда не понимала. Не понимала, что у меня могут быть мечты, амбиции, планы.

– Но я... Я никогда тебя ни в чем не ограничивала... – Нюта прижалась спиной к школьной стене. Походя подумала, что новая туника запылится...

И бог с ней. Зачем ей красивая одежда, если Лиза, единственная дочка... Нет, лучше даже не думать об этом, она этого не допустит. Если надо будет, поедет в Москву, будет на коленях ползти за упрямой Лизонькой, не даст ей влипнуть в неприятности.

Она станет мыть полы у этой Полины Переведенцевой, если так надо для того, чтобы снова быть рядом с дочерью.

Анюта справится. Еще посмотрим, кто кого.

В кафе «Весна» на Новом Арбате Полина Переведенцева дожидалась свою подругу Лару. Ту самую, с которой в голодные шальные времена снимала одну комнатку на двоих, с которой делилась сокровенными секретами, латаными колготками, пахнущей резиной польской косметикой и даже однажды мужчиной с певучим именем Валерий Варламеев, который пришел в гости в качестве Полиного платонического поклонника, а в итоге оказался в мускусных объятиях Лары.

Лариса, как всегда, безбожно опаздывала, как будто бы дурными манерами пыталась компенсировать неудачливую судьбу. Полинка-которой-несправедливо-повезло должна три четверти часа ерзать на стуле, посматривая то на часы, то на входную дверь. Зная об этой ее манере, Полина прихватила с собою свежий номер «ОК». Но отвлечься на оффотошопленные истории о тех, кто вовремя подсутился, не получалось. Полина видела в глянцевого страниц свое. Вот фотография Дарьи Донцовой – русые кудряшки, элегантное платье, милая улыбка. У нее тоже был рак, и ничего, все позади, теперь смеется. Вот Селин Дион – неправдоподобно длинные волосы, макияж как у русалки, нахмуренные брови. У ее мужа нашли онкологию, и они пережили это вместе.

Черт, черт, как же это сложно, как же невыносимо ждать!

За соседним столиком две пергидрольные девы вождели то, что было представлено в ее гардеробе в двенадцати экземплярах.

«Birkin», естественно.

– ...Наташка продает. Ей деньги срочно нужны, уже снизила цену до пятерки. Правда, там царапина на боку.

– Ну и что! За пятерку можно и с царапиной. Блин, ну почему я вечно на мели? А так бы...

– Может, продадим что-нибудь? Жаль, у нас ничего нет. Я бы и себя продала, честное слово!

– Да кто же за тебя пятерку даст?

– Наверное, пора познакомиться с Листерманом.

Судя по милому окаяющему говору, девы не так давно приехали откуда-то с севера, возможно даже из Архангельской области, где у Полиной бабушки был деревенский дом. Полина живо представила, как они валяются в стоге сена, лениво смотрят в розовеющее к вечеру небо и мечтают, что вот переберутся в столицу, а там, а там...

Наконец появилась Лариса. Одевалась она так, словно собиралась на великосветский прием – видимо, ее застарелый комплекс неприкаянности был даже глубже, чем могло показаться. На этот раз на ней было леопардовое платье, туфли в тон и цепь из дутого золота, такого размера, что она вполне могла бы послужить ошейником для бультерьера.

В Ларисе были собраны все элементы того особого карикатурного московского шика, который так презирают бледнолицые питерские розы. Как будто бы иконой ее стиля был не «Vogue», а журнал «Крокодил».

Одутловатое лицо бывшей манекенщицы густо покрыто тональным кремом, ранняя дряблость век кое-как замаскирована зелеными тенями. Смотреть на все это немножечко грустно, но Полина отважно улыбнулась ей в лицо. Они расцеловались.

Лариса бодро пролистала меню и заказала два салата, шампанское и чай. Она была вечно на мели, поэтому их общий счет всегда по умолчанию оплачивала Полина. Когда-то Ларочка делала вид, что ей неудобно обедать подругу, но потом освоилась и взяла моду заказывать самое дорогое. Как будто бы она была жадной до жизни малолеткой, впервые попавшей в приличный ресторан, а Поля – похотливым старцем, задабривающим ее десертами в надежде на благодарный минет.

«Интересно, она понимает, что мне сейчас неоткуда брать деньги? – подумала Полина. – Мужчины у меня нет, работа – просто формальность. Почему она считает, что мой кошелек такой уж бездонный?»

Но вслух ничего, разумеется, не сказала. Лара бы обиделась. А других подруг Поля не нажила. Жизнь профессиональной красавицы – опасное минное поле, на котором первыми подрываются попытки дружить.

– Как твои дела? Видела твою фотографию на одном сайте! – прощепетала Лара. – Там была рубрика «Звездный целлюлит». Странно, что тебя туда определили.

– Действительно, странно, ведь у меня же...

– ...ведь ты же даже не звезда, – как ни в чем не бывало закончила Лариса.

Полина проглотила рвущееся наружу возмущение. Да, Ларочка бывает несдержанной на язык. Да, она сочится завистью, как воспаленная рана гноем. Да, ее собственная жизнь не сложилась, она сидит секретарем на ресепшн, получает гроши, экономит, чтобы купить помаду, и тихо злится, когда Поля, не подумав о последствиях, жалуется, что в Ницце было облачно, а Монте-Карло населили братки с любовницами в вульгарных платьях. Но в глубине души она хороший человек. К тому же у них есть нечто важнее глупой зависти и никому не нужных амбиций – общее прошлое.

– Расскажи, как твои дела, – улыбнулась Полина.

– Отлично, трахнула шефа, – весело сообщила Лара.

– Да? – Поля призвала на помощь все свое актерское мастерство, чтобы казаться заинтересованной и оживленной. – Так у тебя теперь новый роман?

– Ну что ты, у него жена беременная! Только вот не надо на меня так смотреть, сама же с NN спишь. Он обещал свозить меня в Кемер. В мае поедем. Там весной хорошо. Ну а у тебя что? Совратила очередного олигарха? Получила в подарок очередной «Мерседес»?

– Лара, у меня, возможно, рак, – выпалила Полина.

И сама удивилась. Она не собиралась это обсуждать, тем более с Ларисой. Они уже давно не были лучшими подругами. Да и вообще, рано ей что-то обсуждать, результаты биопсии она узнает только через несколько дней. Слова вырвались сами собою, просто не было больше сил держать в себе эту тяжесть, которая вдавливала ее в стул, тянула к земле, словно норовила размазать об итальянский мраморный пол. Хотелось выпустить наружу хоть частичку этой тоски.

У Ларисы вытянулось лицо.

– То есть как это?

И тогда Поля выложила ей все. Говорила торопливо, словно боялась, что Лара перебьет. Почему-то ей необходимо было выложить все на одном дыхании, немедленно, сразу.

– ...записалась на массаж и очищающее обертывание... Моя косметолог едва на меня взглянула и сразу говорит: что-то мне, мол, не нравится ваша грудь. Можно осмотреть? Я позволила, и она... Она сразу нашла опухоль. Небольшая, с грецкий орех. У нее так лицо изме-

нилось, что я сразу поняла: ничего хорошего. Прямо из салона помчалась к онкологу. Веду машину, а сама реву. И позвонить-то некому. Кнопке пробовала набрать, а у нее телефон отключен.

– И что онколог? – У Лары заблестели глаза.

– А что он мог сказать. Посмотрел, головой покачал, направил сдавать анализы. Результат будет только во вторник. Но глаза у него были нехорошими, так что, скорее всего... Ой, нет, я даже думать про это не хочу. Лара, я там такое видела... Там такие женщины, и все молодые... – Она не смогла сдержаться.

Не было сил. Уронила голову на руки и расплакалась, не обращая внимания ни на брезгливую мину официанта, ни на холодное любопытство расфуфыренных посетителей, ни на то, как покраснела Лара, будто бы ей неловко находиться в обществе нечастной плачущей Поли.

– И что... Что ты будешь делать? – наконец спросила Лариса.

Поля кое-как взяла себя в руки и вытерла слезы полотняной салфеткой.

– Сначала надо дождаться результатов, а потом... – на слове «потом» ее голос дрогнул. – Хрен его знает. Что врач посоветует, то и буду делать.

– Что ж... Зато тебе всегда везло, – вдруг совершенно не к месту сказала Лара.

Поля даже не сразу поняла, что она имеет в виду.

– Все тебе плыло в руки, само собой. Наверное, за все приходится расплачиваться, Польша, – и невозмутимо закурила.

А у Полины от возмущения даже слезы высохли.

– Как... Как ты вообще можешь такое говорить? Ты имеешь в виду – я заслужила это, что ли? И что же я такого сделала – может быть, убила кого-то, обокрала?! – Последнее слово она почти выкрикнула. Теперь на них двоих смотрели уже все присутствующие.

– Ой, ну не надо, – поморщилась Лариса. – Ты всегда брала что хотела, даже не спрашивая, кому это принадлежит. Ни с кем не считалась. То есть по головам ты никогда не шла, но... Польша, неужели ты никогда не задумывалась о том, что ты получила все просто так, а другие – вообще ничего? Хотя тоже старались, мечтали, надеялись?!

– Под другими ты, видимо, подразумеваешь себя? – стараясь сдержаться, холодно спросила Полина.

– Хоть бы и так, – Лара нервно дернула плечом. – Вспомни, ты всегда считалась серой мышкой по сравнению со мной. Я была королевой, а ты пригелась в моей тени. Я тоже была смелой и дерзкой, но все почему-то досталось тебе. А за незаслуженный успех принято расплачиваться, если ты не знала.

У Полины не было слов, она с брезгливым изумлением смотрела в знакомое лицо: под толстым слоем грима возбужденно покраснели щеки, пудра забила в морщинки под глазами, между крупными желтоватыми зубами застряла крошечная веточка укропа – и не могла понять, не узнавала Ларку. Страшно как, противно. Когда появилась в ней эта мерзость, совсем недавно или присутствовала всегда, а она, Поля, была такой идиоткой, что ничего не замечала? И надо было столько лет терпеть, крепиться, чтобы сейчас на одном дыхании высказать ей все, забить последний гвоздь? Зачем она это делает, какой смысл? Ненависть сочилась по капельке и вот перелилась через край?

Лариса, видимо, и сама поняла, что на этот раз переборщила. Она всегда позволяла себе шутки на грани, легкое хамство, но все-таки никогда не переходила невидимой границы, за которой дружба заканчивалась навсегда.

– Я пойду, – буркнула она, даже не подумав, хотя бы на этот раз самой оплатить свой ланч.

Полина не стала ее останавливать.

А за соседним столиком девушки из Архангельска все еще тщетно мечтали о «Birkin». Полина обернулась, внимательно на них посмотрела и вынесла безмолвный вердикт, что их обветренные ладошки не сомкнутся вокруг заветной ручки из телячьей кожи никогда. Их лица,

раскрасневшиеся от потребительского волнения, были милыми, но на щеках виднелись незакрытые следы подростковых угрей. Их свежесть была изуродована чересчур обильным макияжем. Едва ли московские дарители тысячедолларовых сумок слетятся на тусклый свет этих жирно подведенных глаз.

Перехватив Полинин взгляд, они смущенно притихли, напряженно на нее уставились, а потом та, что бойчее, посмела тоном торговли сухофруктами с Измайловского рынка спросить:

– Вам чего?

– Не «вам чего?», а «что вам угодно?», – с улыбкой поправила Полина, прежде чем обратиться к ее подруге. – Если хотите, можете купить «Bir– kin» у меня. За символическую сумму. Да что уж там, берите так, только счет мой оплатите.

В тот день при ней была сдержанно-оранжевая «Birkin» из кожи страуса – прощальный подарок американского экса, единственного мужчины, расставание с которым оставило на Полином сердце болезненные шрамы (впрочем, об этом потом). Предлагая ее незнакомой девушке, удивленно распахнувшей ярко накрашенный рот, Полина чувствовала себя так, словно расставалась с куклой вуду, зажавшей в кулаке всю ее бессмысленную жизнь. То есть жизнь со смыслом, который обесценил один-единственный поход в онкологический центр. Кто кого переощеголяет, кто через кого переступит, кто выпьет шампанского на чьих похоронах, у кого круче сумка, серьги, самец, чья жизнь наиболее напоминает отфотошопленную журнальную картинку. Несколько лет назад, когда она впервые показала эту сумку Ларе, та расплакалась. А Поля бросилась ее утешать, гладила по волосам, вкладывала в ее влажные пальцы салфетки, предлагала свой крем, свою косметику, свои антидепрессанты, но в глубине души... в глубине души ей было приятно. Этот сорт кайфа никогда не понять тому, кто ни разу в жизни ради достижения своей цели не шагнул по головам.

Полина смотрела на ошарашенных незнакомок, те недоверчиво уставились на сумку, этой немой сцене мог позавидовать любой постановщик «Ревизора». Полина чувствовала и сожаление, и необъяснимую легкость, и странную торжественность, и даже гордость за то, что она, Полина Переведенцева, могла вот так легко облагодетельствовать первую встречную, подобно великодушной сказочной фее исполнить ее мечту.

– Вы издеваетесь? – наконец пришла в себя девушка. – За идиотку меня держите?

– Думали, что раз мы приезжие, то нас вот так просто можно развести на бабло? – вступила ее подруга.

Полина непонимающе на них уставилась. Оранжевую сумку делали на заказ. Она планировалась не как прощальный подарок, а как предсвадебный. Это была самая дорогая из всех ее «Birkin» – тридцать тысяч долларов. И вот она стоит перед ними. И цена – два цезаря, бокал шампанского и зеленый чай.

– Сразу видно, подделка. Мы только что такие в переходе видели, за пятьсот рублей. А настоящая «Birkin» такая... Такая...

– Золотая с бриллиантами? – насмешливо подсказала Поля.

– Хотя бы. Так что ступайте отсюда, пока мы милицию не вызвали.

– Сначала оформите регистрацию в Москве, а то как бы я милицию не вызвала, – без раздражения посоветовала Полина и, оставив на столе три пятисотрублевые бумажки, направилась к выходу.

Махнула рукой ожидавшему шоферу – езжайте без меня. Он привык. Иногда Полина любила гулять по городу пешком. Движение ее успокаивало, упорядочивало мысли.

Она прижала «Birkin» к груди. Ну и хорошо, что сумка осталась при ней. Отсутствие сумки ничего бы не изменило. Нельзя влезть в чужую шкуру, если тебе уже под сорок. Люди не меняются, лягушки становятся принцессами только в анимационном кино, а смысл жизни обретается не такими примитивными способами.

Полина достала из кармана мобильный и поискала в записной книжке имя человека, которому было в сто раз хуже, чем ей самой.

– Юленька? Как ты там? Может быть, тебе фруктов привезти? Или пойдем в кино, если хочешь. Да нет, я просто так позвонила. Просто хотела сказать: ты уж там, пожалуйста, держись.

Байка о женщине-никто по имени Инна

Когда самолет уже набирал высоту, и поделенная на буро-зеленые прямоугольники земля растаяла в сахарной вате курчавых облаков, Инна не выдержала и дала волю слезам. Наверное, сказалося напряжение последних дней. Она готовилась к поездке в Египет как к свадьбе: худела, покупала новые шлепанцы и купальник, бегала по парикмахершам и маникюршам, пыталась впихнуть все содержимое шкафа в один-единственный чемодан.

Чуть не опоздала на самолет – чертов таксист никак не мог объехать пробку.

На паспортном контроле неожиданно поехал внутрь каблук.

Потом она облила юбку кофе.

И последний штрих неудачного дня – чужой ребенок, из-за которого ей не досталось места у окна. Когда Инна регистрировалась, она специально попросила место «А». Место А было для нее чем-то вроде талисмана. Ей нравилось смотреть на удаляющуюся землю; когда самолет взмывал над взлетной полосой, она испытывала почти детский восторг и все время полета проводила, расплющив нос о стекло иллюминатора. Ей никогда бы не наскучило смотреть на небо. Неважно, день был или ночь. Небо манило и завораживало. Алые блики на сизых облаках, прозрачная глазурь синеватой дымки, белые кучеряшки, похожие на волосы боттичеллевских ангелочков. Однажды она увидела радугу. Это было чудо – оказывается, если смотреть на радугу сверху, она имеет форму круга! Взмывая в небо, Инна словно становилась никем, и на землю спускалась обновленной – такой, какой сама хотела быть.

И вот досадное недоразумение. Гадкий мальчишка, которого посадили в серединку, устроил скандал. Было ему лет семь-восемь, то есть он давно вышел из возраста, когда в детках умиляют даже сопли и какашки. Капризный, избалованный дьяволенок. Рухнул в проход, громко вопя и чуть ли не головой начал об пол биться, и все потому, что хотел попасть к окошку. Тогда его мама, унылая тетка в безразмерных джинсах на резинке, поискала глазами по сторонам, определяя слабое звено. И вычислила – Инну.

– Вы не могли бы поменяться со мной местами? – елейная улыбка. А глаза настороженные, злые.

Сначала Инна пробовала сопротивляться, пыталась объяснить, что для нее самой важно сидеть именно у окна. Но мать монстра не желала сдавать позиций, она приводила все новые и новые аргументы: ее сын чуть ли не инвалид первой группы, а сама она копила на эту путевку, считай, с самого детства, а все остальные пассажиры в ряду «А» тоже маленькие дети, и только Инна одна взрослая, ну пусть она войдет в положение, ну он же все равно не успокоится, они будут так благодарны. В итоге Инна сдалась, на них уже с любопытством тарасился весь самолет, а она терпеть не могла привлекать внимание.

Взлет она не увидела, только почувствовала под ногами не твердыню, а едва заметную вибрацию воздуха. И вот эти слезы – слезы стыда, неуместные, неприличные для самостоятельной женщины тридцати с лишним лет.

Кто-то протянул ей упаковку бумажных платков. Инна обернулась – соседка. Милостивая рыжая девушка лет двадцати пяти, с веснушками, хаотично разбросанными по милому свежему личику, с яркими синими глазами, ямочками на щеках, которые появлялись, когда она улыбалась.

– Вот маленький мерзавец, правда же? Ну не расстраивайтесь так. Если их поселят в том же отеле, что и меня, клянусь, я скормлю его скатам. Хотите вина, у меня есть с собой бутылка?

Инна благодарно улыbnулась и молча протянула пластиковый стаканчик. Попутчица представилась Маргаритой. Она летела в Египет замуж выходить.

– Его зовут Саид, – с просветленной улыбкой рассказала она. – Мы познакомились на прошлый Новый год. У меня было такое ужасное настроение. Рассталась с мужчиной одним,

знаете, как это бывает. И подружки вытащили меня в Египет. Дешево и сердито. А там в первый же вечер я познакомилась с Саидом и поняла: то, что я испытывала раньше, не было любовью.

Инна скептически усмехнулась. Она знала не понаслышке, какие беззаботные сказочники эти турецкие и арабские мужики. Те, которые поигрывают мускулами на пляжах, высматривая очередную белобрысую Наташку, а потом, в сладком мороке южной ночи, шепчут, что она единственная, краса очей, звезда полей и так далее. Потом шлют двести эсэмэсок в час на ломаном английском и в один прекрасный день просят выслать двести долларов на мифическое лечение или какой-нибудь мнимый штраф.

Четыре года назад Инна и сама впервые узнала, что такое курортная любовь. На своей шкуре почувствовала, почему бабы подсаживаются на нее, как на героин. Дело было в турецком Кемере, куда она отправилась по горячей путевке, в позднем ноябре за какие-то гроши. Море было относительно теплым, как в Прибалтике летом. Солнце не рисовало на щеках саднящий малиновый румянец, но было достаточно ласковым, чтобы расслабленно поваляться на пляже, с Чезарией Эворой в плеере и с блаженной пустотой в голове.

Именно на пляже она познакомилась с Себастианом.

Он сам к ней подошел.

Без разрешения присел на ее полотенце. А наткнувшись на возмущенный Иннин взгляд, улыбнулся так обезоруживающе, что ее губы сами собою растянулись в ответной улыбке.

Он сказал, что у Инны самые длинные ноги на всем побережье, и поскольку он профессиональный фотограф, то просто не мог не попросить ее позировать. Сам он из Италии, работает в итальянском офисе «Конде Наст», лично знаком с Наоми, Клаудией и Жизель, и, честно говоря, все они в подметки не годятся прекрасной русской блондинке по имени...

– Инна, – польщенно подсказала она.

Потом она узнает о странной манере турецких и арабских мужчин представляться итальянцами, испанцами, бразильцами, аргентинцами и даже – был у нее и такой персонаж! – шведами. Самиры становились Себастианами, Фариды – Фернандами, Рафаэли – Робертами. Они готовы были притвориться кем угодно, только не теми, кем они являлись на самом деле – турецкими аниматорами с деятельными пенисами, но без гроша в кармане.

Себастиан был чертовски хорош собой, просто демонический красавец. У нее никогда не было *таких* мужчин, Инна даже и представить не могла, что *такой* мужчина может заинтересоваться ею, обычной, земной.

Десять дней пролетели как один. Они почти не расставались, Себастиан перебрался в ее роскошный гостиничный номер. Целыми днями они валялись на пляже, заплывали в море наперегонки, мотались по окрестностям на его раздолбанном мотороллере, обедали в пляжных рыбных ресторанчиках. Платила всегда Инна, хотя Себастиан поначалу гордо отказывался, но она ведь видела, что он беден, и так хотела сделать ему приятное! Почему-то у нее не возникло мысли: как же так вышло, что фотограф, работающий в итальянском «Конде Наст», не может себе позволить ужин из креветок и пива? Она была влюблена и беспечна. И даже настолько глупа, что в последний день своего отпуска одолжила ему пятьсот долларов – ему нужно было срочно купить что-то для фотостудии на e-bay, а банк отказался принимать его кредитку. «Я тебе верну, – он целовал сгиб ее локтя. – Вот приеду на Новый год к тебе в Москву и верну!»

В аэропорту она в голос рыдала на его плече, а Себастиан гладил ее по голове, нашептывая в ее висок: «Amore... Bella!»

Естественно, он ей даже ни разу не позвонил. И ни разу не подошел к телефону, когда она часами, как загипнотизированная, набирала знакомые цифры. А его электронный адрес оказался недействительным. Но окончательно она убедилась, что Себастиан жиголо и пройдоха, когда увидела его фотографию на одном популярном сайте. Сайт назывался «Кунсткамера» и представлял собою галерею фотографий турецких и египетских пляжных мальчиков.

У каждого находилось как минимум восемнадцать русских женщин, считавших обманщика чуть ли не законным мужем. Себастиан был самым популярным мужчиной сайта – вокруг него кипели такие страсти, что даже Шекспиру не снились. Некая Аня из Ростова утверждала, что они успели расписаться, и даже вывесила на сайт фотографию, где она стоит на берегу моря босиком и в длинном белом платье, а Себастиан в солидном костюме обнимает ее, и над ними летают белые свадебные голуби. На этих голубях девушку и подловили, кто-то рассмотрел, что это ловкий фотомонтаж.

Но это неважно, потому что нашлись еще Ира, Татьяна, четыре Наташи и даже одна Мария Ивановна пятидесяти с лишним лет, которые утверждали, что Себастиан – мужчина всей их жизни и они не собираются уступить его без боя.

Все эти истории ее немного успокоили. Она не одинока, не одну ее обманули. Среди возмущенных русских «невест» были и редкие красавицы, и жалкие дурнушки, и умницы с тремя высшими образованиями и собственным бизнесом, и трогательные дурочки, которые делали семь ошибок в словосочетании: «Убью подонка!»

У Инниных подруг тоже нашлись печальные истории.

– Ты просто ненормальная, – говорили они. – Это же всем известная ловушка. Ничего плохого в курортных романах нет, если ты играешь по правилам. Просто надо сразу настроиться на то, что, несмотря на романтический антураж, несмотря на все эти прогулки по лунному пляжу, жасмин в твоих волосах, запах соли на его коже и Вселенную в его приближающихся глазах, несмотря на все это, у вас ничего, ничего, ничего не получится. Вы расстанетесь, и у него появится новая Наташа, в волосы которой он будет вплетать жасмин.

Правила игры Инна приняла.

Но вот забыть космос, который привиделся ей во взгляде горячего Себастина, она так и не смогла. Нет, даже не в самом Себастиане дело, в конце концов, он подло с ней поступил, он прекрасно знал, что она небогата, но на пятьсот долларов развел. А в том чувстве свободы, моря внутри, сумасшествия, узаконенного безумия, эйфории.

Прошло полгода, и она снова отправилась в Турцию – на этот раз на Эгейское побережье, в небольшой городок Кушадаси. Весь день она золотила кожу на пляже, а в первый же вечер, подкрасив губы, сбрызнув волосы сладковатым парфюмом «Ангелы и Демоны» от «Живанши», выпив пару бокалов вина для блеска в глазах, Инна отправилась на набережную, чувствуя себя и ангелом, и демоном одновременно. И в первом же попавшемся кафе познакомилась с греческим богом, который притворялся Арнольдом из Квебека, хотя потом, она это выяснила все на том же сайте, был Ибрагимом из Измира.

Он был богом, и этим сказано все. Гладкая кофейная кожа, умные темные глаза с ресницами мультипликационного олененка Бемби, сильное мускулистое тело с длинными ногами атлета. Уже там, в кафе, в первый же вечер, их пальцы переплелись, и она поняла: на этот раз все будет иначе, она будет энергетическим вампиром, а не донором, она сама полакомится космосом, ничего не отдав взамен.

Она представилась Адрианой, программистом из Чехии. Пылкое воображение шулерски вынимало из рукава детали: Инна нафантазировала уютный домик в пригороде Праги, сад с жасминовыми кустами и крошечной голубой елью, на которой под Рождество она развешивает деревянных Щелкунчиков, деревенскую пивоварню, которая принадлежит ее бывшему мужу, жуткому тирану – она сбежала от него два года назад, а он до сих пор ее преследует, хочет вернуть. Инна все это рассказывала и все глубже погружалась в созданную ею же самой реальность. Арнольд-Ибрагим не заподозрил подвоха, за ничтожных девятнадцать лет своей жизни (как и все восточные мужчины, он выглядел старше и врал случайным любовницам, что ему двадцать семь) он привык к тому, что одинокие женщины готовы рассказать ему всю правду

о себе, вывалить все самое сокровенное, самое интимное, пытаясь его заинтересовать и привязать к себе, жалкие дуры.

Инне понравилось быть смешливой Адрианой, к концу отпуска ей даже почудилось, что у нее появились новые жесты и какая-то другая, не свойственная ей улыбка. Она поверила в придуманную ею женщину, впустила ту в себя, и вместе с несуществующей Адрианой они пили жизненные соки юного Аполлона, доили его энергию, вбирали в себя. Она оставила вымышленный адрес, взяла его телефон и, чтобы окончательно закрепить победу, пообещала оплатить ему мотоцикл «Harley Davidson», о котором он с самого детства мечтал. В самолете на обратном пути Инна посмеивалась, представляя, как вытянется его красивое лицо, когда он обнаружит, что никакой Адрианы не существует.

Потом был Египет и араб по имени Мухаммед, похожий на Бенисио Дель Торо, породистый самец с большими амбициями и капризным эго. Он клюнул на Иннины серьги из дутого золота, на ее фальшивую сумочку «Louis Vuitton» и наигранную надменность ее манер, которую принял за чистую монету. На этот раз Инна играла Екатерину, Катеньку, жену нефтяника, пресыщенную фурию с Рублевки, приехавшую развеяться, понырять с аквалангом и посидеть в гордом блаженном одиночестве на морском берегу. Он не в первый раз обманывал курортниц, в глубине души презирал всех этих Наташ с подведенными глазами, в золотых русалочьих купальниках, которые гроздьями западали на его природную мужественность, шептали ему слова любви, клялись в верности, соглашались выйти замуж, а сами были такими порочными, наглыми, грязными. Он не в первый раз обманывал, но и в голове не держал, что и его тоже могут обмануть. Нефтяная леди Катенька показалась ему идеальной дойной коровой – такую можно вызывать к себе два-три раза в год, самозабвенно трахать под полной луной, иногда угощать местным сладким вином или кальяном с дурью и раскрутить на алименты долларов как минимум в пятьсот. Мелкие подарки даже не в счет.

Ласковая солнечная Катенька, домашняя кошка, дремавшая в солнечном пятне подоконника, давно прирученная, послушная и тихая, превращалась в тигрицу под теплом его умелых рук. А потом они лежали рядом и разговаривали, насколько Мухаммеду позволял его скудный английский. И Катенька рассказывала о своем муже, неповоротливом сибирском увальне, о золотой клетке белокаменного особняка, в которой она заточена вот уже как седьмой год, о служанках-филиппинках, гоночных кабриолетах, скачках в Аспене и распродажах в Риме. Она рассказывала, а у Мухаммеда горели глаза, и он говорил, что это от любви...

Потом был Тунис и пылкая страсть с Самиром; для него она стала Жанной, мрачноватой поэтессой, которая носила только черное, пила неразбавленный ром и курила крепкие сигары. Она читала ему Гумилева, а он слушал, ничего не понимал, но делал вид, что растроган. Инна видела, что он ей верит, верит на все сто, и это заводило ее еще больше.

Самолет пошел на снижение, и впервые за весь день Инна улыбнулась – самой себе, беспричинно. За полупрозрачной вуалью облаков проглядывалась растрескавшаяся земля пустыни и синее-синее море, перечеркнутое белыми линиями, тянувшимися за быстроходными катерами. Впереди ее ждало две недели счастья, две недели чужой жизни, куда более интересной, чем ее собственная. Жизни, о которой Инна пока не имела понятия, но которая совсем скоро заполнит все ее существо, вытеснив ее саму куда-то за пределы. Вместе со всеми ее страхами, морщинками, которые все глубже впиваются в кожу, ночными кошмарами, когда она представляет одинокую старость в прокуренной хрущобе, смутными мечтами и фантазиями, многолетней вялой влюбленностью в женатого шефа, пахнущего капустой и стряхивающего перхоть на вельветовый пиджак, серой Москвой, неприметным тихим существованием, которое она вела.

Эта женщина больше не была самой собой – скучной девицей тридцати четырех лет, менеджером в магазине сотовых телефонов, измученной обстоятельствами Инной, она была кем-то другим, кем-то, кто был умнее, красивее, удачливее, чем она сама.

Кем-то, кто смел рассчитывать на счастье.

Квартира производила впечатление оплеухи. Как будто бы роскошь была осязаемой и наотмашь ударила смущенную Анюту по лицу. Ступив на инкрустированный паркет и оставив у входной двери разношенные сапоги, она испуганно поджала пальцы ног. Как будто бы ее чистые, но латанные-перелатанные чулки могли одним своим прикосновением осквернить этот пол.

Как странно. Еще несколько минут назад она брела по улице, вертя в руках бумажку с адресом, и случайно наткнулась взглядом на свое отражение в магазинной витрине. Остановилась на секунду, критически прищурилась и – черт его знает, в чем там было дело, может быть, она приятно разругалась от долгой ходьбы, а может быть, просто на ее лицо как-то хитро падал свет – Анята вдруг подумала: «Черт возьми, а я еще ничего!» Да, полная. Но окутывая ее тело коконом жира, невидимый шелкопряд пожелал сохранить пропорции, Нютина фигура по-прежнему напоминала гитару (только очень-очень большую гитару). Ее волосы были тусклыми, виски казались пегими из-за ранней седины, но ведь она просто всегда ленилась, не находила времени и не видела смысла в том, чтобы пользоваться хорошей краской! Под глазами собрались лучики тонких морщинок, зато подбородок не поплыл. А у Жанны Фриске и Мадонны тоже морщинки, что не мешает им слыть красавицами. И пальто – простенькое, но новое, шерстяное, красное – необычайно ей шло. Она даже приободрилась, приосанилась.

Но квартира Полины Переведенцевой тотчас же развеяла мираж. На фоне хрустала, мрамора, витражей, цветного венецианского стекла, антикварных картин и атласной обивки диванов в стиле ампира Анятина наружность вдруг показалась убогой, трехкопеечной какой-то. И лицо будто бы побледнело, и седины словно стало в два раза больше, а пальто... Господи, да что уж там, смех один, а не пальто. Купила на привокзальном вещевом рынке за семьсот рублей. Вьетнамский ширпотреб, синтетическая подкладка неприятно елозит по колготкам, а из швов нитки торчат.

Под стать квартире была и хозяйка. Высокая, статная, с балетной осанкой и надменным поворотом головы, льдом в светлых, будто бы прозрачных глазах и недовольным выражением лица. Недоступная и прекрасная. На ней был шелковый халат с просторными рукавами и бисерной вышивкой, светлые волосы небрежно собраны в пучок, но во всей этой непринужденной расслабленности было столько шика, что у Аняты перехватило дыхание.

– Вы опоздали, – она постучала длинным пастельным ногтем по циферблату изящных наручных часов. – На семнадцать минут.

Вот так вот. На семнадцать. Знай свое место, смерд.

– Извините, – смутилась Анята. – Я не москвичка, вы же знаете. Электричку задержали.

– Ладно, пройдем в гостиную, – она поморщилась так, словно перед ней стояла не в меру нарядная Анята, а воняющий экскрементами бомж.

«С ней будет трудно, – грустно подумала Нюта. – Мы не уживемся. Господи, за что мне это все? В моем возрасте попасть в прислуги какой-то хамке. Престарелая Золушка, сказка нового формата! Хеппи-энда не будет, потому что у феи артрит и старческая деменция, а принц из конъюнктурных соображений давно женился на дочке Бабы-яги».

Полина указала ей на диван – роскошный мягкий диван, обитый узорчатой парчой, а сама уселась в кресло напротив. На журнальном столике дымилась чашка кофе. Одна. Потенциальной прислуге присоединиться к кофепитию не предложили, видимо, Переведенцева хотела сразу показать, какое место она отводит новой домоправительнице.

– Рассказывайте. Вы сидели?

– Что? – опешила Аня. – В каком смысле?

– В прямом. Моя прошлая домработница сидела за мошенничество. Правда, узнала я об этом потом, ко мне она устроилась по фальшивым документам.

– Извините, но если я вам не понравилась, то давайте сразу попрощаемся, зачем придумывать повод? – Аня встала и нервно одернула юбку. К чему терпеть такие унижения, подыгрывать чужому комплексу неполноценности и желанию самоутвердиться. Ей и так дорого стоило это решение. Одно дело – поломойничать в подъезде, и совсем другое – стать служанкой избалованной особы с капризным характером, отклеивать прокладки от ее ношеных трусов и вступать в неравный бой с ее предменструальным синдромом.

– Стойте, – Полина слабо улыбнулась. – Простите. У меня был трудный день. Не надо было на вас срывать зло. Тем более вы по рекомендации.

Не зная, что ответить, Аня села обратно на диван. Чувствовала она себя дура душой. Даже отпор не может дать по-человечески. Правильно Вася говорил: тряпка, мямля.

– Насколько я поняла, опыта у вас нет?

– Я никогда не была домработницей, но мне приходилось работать в сфере... – нахмурившись, Аня вспомнила слово, которое когда-то услышала в одном кадровом агентстве, – клининга.

Полину это почему-то развеселило.

– Забавная вы. А сколько вам лет?

– Тридцать шесть, – бесхитростно призналась Аня.

У Переведенцевой вытянулось лицо – должно быть, она первой заметила собственную бестактность и, взяв себя в руки, равнодушно улыбнулась. Но потом все-таки не удержалась от непринужденной похвалы.

– Значит, я вас немного старше. Два месяца назад мне исполнилось тридцать восемь.

По-детски непосредственное Анино изумление ей, конечно, польстило – обычно женщины скупались на искреннюю реакцию, норовили ее подколоть, намекнуть, что удачно сложившийся генетический пасьянс компенсируется интеллектуальной неполноценностью, и вообще, наверняка она уже сделала тридцать три подтяжки, а под дорогой одеждой прячется отмеченная пигментными пятнами вислая грудь.

Аня же не могла оторвать взгляд от ее лица – молодого, гладкого.

Красивая, как ведьма. Ведьмы не стареют.

Время, когда она сама чувствовала себя хорошенькой и желанной, пролетело так быстро, что Аня едва успела распробовать свою женственность на вкус. Хохотушка с русыми кудряшками, которые так трудно было уговорить, чтобы они не торчали во все стороны вокруг ее подвижного лица. Ей было шестнадцать, когда она встретила Васю. Он вернулся из армии и сразу обрел статус самого популярного парня во дворе, короля микрорайона. Зеленоглазый, с широкими скулами, мужественными крупными чертами лица, высокий, поджарый, сильный. Он жил в соседнем подъезде, и Аня за ним украдкой наблюдала. То есть это она сама считала, что украдкой, а между тем весь двор полагал, что она бежит за Васей как собачонка. Десять раз в день выносила помойное ведро в надежде случайно с ним столкнуться, поймать его насмешливый взгляд.

– Мужчины не любят преданных таких, – говорила ее лучшая подруга Тома. – Что ты творишь-то, как самой не стыдно?

– А вдруг это настоящее? – мечтательно вздыхала Аня.

– Он мне не нравится. Самоуверенный мужлан. С таким будет куча проблем.

Вася был бы дураком или импотентом, если бы не воспользовался щенячьей преданностью полногрудой школьницы, которая не сводила с него восторженных глаз, трогательно записалась, обращаясь к нему по имени, и топтала пыльный асфальт двора своими лучшими туф-

лями, неловко пытаюсь делать вид, что выносить мусор на двенадцатисантиметровой шпильке – банальное дело.

Однажды он подошел, потрепал ее по щеке и лениво протянул: «Поехали купаться!» Вот так просто. Одна фраза, и Нютина жизнь раскололась на две половинки. В одной была родительская строгость, оберегаемая девственность, смутные планы на жизнь, инфантильные мечты, возбужденный шепоток с подругами, взгляды искоса, старая тушь, в которую сначала надо поплевать, попытка выстричь челку, как у Натальи Варлей. А в другой – только это «Поехали купаться!» и его прищуренные глаза с бурными капельками на бутылочно-зеленой радужке.

Анюта пропала. Никому ничего не сказав, позволила себя украсть. На переднем сиденье старенькой «шестерки», которую он взял у отца, она чувствовала себя самой счастливой девушкой в мире, врывающийся в открытое окно пыльный сквозняк трепал ее волосы, она хохотала без повода, успевая подумать: не выглядит ли она полной идиоткой.

Вася привез ее к поросшему тиной пруду, оазису в жарком мареве июля. Достал из багажника клетчатый плед, расстелил на траве. Анюта отдалась ему бездумно, без кокетливых препирательств, без разговоров о будущем, просто ей казалось, что так будет правильно, и все. Боли она не заметила, лишь в какой-то момент увидела на бедрах темную липкую кровь, клетчатый плед пришлось потом выбросить. Вася был удивлен ее девственностью еще больше, чем Нюта его вниманием.

– Что же мне теперь с тобой делать?

– Жениться, – серьезно ответила она.

Анюта не любила секс. Просто она до того любила Василия, что приняла бы из его рук и отравленное вино, все, что он предлагал, она считала единственно правильным. Может быть, она из редкой породы однолюбов. Может быть, просто дура. Время шло, очарование не развеивалось. Она по-прежнему любовалась каждой его черточкой, особенно умиляли Васины изъяны и шероховатости – нездоровая бледность, кариес на переднем зубе, желтоватые ногти на ногах.

Она смотрела на Васю снизу вверх, как на божество, всегда.

Даже когда его природная мужская красота усохла, поблекла, придя к знаменателю новой высокоградусной жизни. Подурневшего спившегося Васю она любила больше.

Как большинство запойных алкоголиков, он был болезненно худ и имел землисто-зеленоватый цвет лица. Сквозь белую кожу рук просвечивали фиолетовые вены. Щеки ввалились, как у покойника, пожелтели зубы. Он ленился бриться, и его подбородок зарос редкими курчавыми волосинами, из-за которых он стал похож на унылого козла.

Анюта видела в нем другое.

Бледно-голубая жилка бьется на виске, от жалости на части рвется сердце. Как он похудел. Глаза кажутся огромными, как у инопланетянина. По утрам его шатает от слабости, если бы только она могла отдать ему часть собственных сил. Он забывает есть. Его рвет зеленой желчью.

– Когда ты уже выгонишь этого алкоголика? – спрашивала Тома. – На черта он тебе сдался?

– Я его люблю, – Нюта упрямо сжимала губы.

И это было правдой. Она настолько растворилась в этой острой отчаянной жалости, в удушающей нежности, в этом желании последовать за ним на самое дно, если понадобится, что забыла о себе самой, не заметила, как подурнела, постарела, расплылась. Просто однажды, посмотрев в зеркало, вдруг увидела в нем незнакомое осунувшееся лицо с потерявшим четкость подбородком и космической тоской в тусклых глазах.

А когда у Васи появилась та женщина... Потрепанное выцветшее привидение с варикозными тощими ногами, жесткими белыми волосами, в изъеденном молью пальто, эдакая мадам Брошкина с сизыми прожилками на картофелевидном носу. Нет, Анюта не ужаснулась, не опомнилась, не попыталась отыграть назад. Она поняла, что любит еще сильнее, что она за него ответственна, что она ни в коем случае не даст ему пропасть.

– Вы можете приступить завтра? – подняла бровь Полина.

– Думаю, да. Я взяла с собою кое-что из вещей, остальное могу перевезти в выходные.

– Вы не подумайте, что я такая уж сволочь, – закусил губу Переведенцева, – но спрашивать буду строго. Мне нужен идеально чистый пол, я всегда по дому босиком хожу. И чтобы каждый день меня ждал низкокалорийный ужин. Хотя... – она окинула презрительным взглядом полную Анютину фигуру. – Сомневаюсь, что вы много читали о калориях. Но ничего, я дам вам кулинарную книгу. Раз в четыре дня необходимо менять постельное белье. И отвозить его в прачечную. В домашней машинке можно стирать только полотенца, половые тряпки и вашу носильную одежду. Все остальное может испортиться. Еще у меня аллергия на пыль. Я дам вам памятку о том, как поливать цветы. И заставлю подписать договор материальной ответственности, потому что одна моя пальма три с половиной тысячи евро стоит. Получать деньги будете каждый месяц второго числа. Полторы тысячи долларов, как и договаривались. Вас это устраивает?

Больше всего на свете Анюте хотелось вырваться из парчовых объятий пахнущего сладковатыми духами дивана, наскоро обуться и рвануть из этой квартиры на всех парах, не оглядываясь назад, на вокзал, быстрее. Свернуться калачиком на верхней полке плацкартного вагона, и через пять часов увидеть знакомый тихий городок. Где никто не считает калории и не держит дома кокосовых пальм, где все просто, понятно и привычно, где мраморный пол можно встретить разве что в краеведческом музее, а сорокалетние бабы выглядят как сорокалетние бабы, а не как Светка Букина.

Но перед глазами стояло бледное личико Лизоньки – как там одна, мается ли, скучает ли, голодает? Будет ли другой такой шанс дочери помочь?

– Да.

– Отлично, – удовлетворенно улыбнулась Переведенцева.

Анюта же подумала: наверняка у этой холеной моложавой красотки есть свой скелет в набитом дизайнерскими нарядами шкафу, наверняка ей тоже есть о чем плакать по ночам, и вообще, сложно, наверное, быть такой холодной. Интересно, эта Переведенцева умеет любить?

Пройдет много лет, обида забудется и, как старое пулевое ранение, станет больно ныть разве что к перемене погоды. Она изменит цвет волос, бросит курить и купит на рождественской распродаже белье из тайского шелка – белье, на котором будут спать ее новые мужчины. Время размашистым жестом истеричного художника разлинует ее лоб новыми морщинками, а она привычно сотрет их ботоксом, притворившись, что никакого времени и вовсе не существует.

Может быть, она полюбит шоколад.

Может быть, купит вибратор и будет долго изучать инструкцию.

Может быть, у нее появятся новые привычки. Ходить без зонтика под колючим куполом московской мороси, покупать одинаковые туфли на непременно тонких каблуках, посещать субботние спектакли Цирка на Цветном, чтобы полюбоваться чужими детьми, летать в Таллин на выходные, бегать в парке, пить какао по утрам.

Одно останется неизменным. Этот запах, запах Роберта, его туалетная вода, белый мускус с легкой сандаловой нотой, помноженной на табачный дым, всегда, всю жизнь будет оставлять привкус горечи на кончике ее языка.

Полина не знала, никогда не задумывалась о том, что такое любовь. Но она знала точно, что любовь пахнет именно так.

Недавно она зашла в косметический отдел ЦУМа и продавщица, похожая на звезду индийского кино, с тяжелыми черными волосами и крошечной брильянтовой каплей в ноздре, сунула ей под нос пропитанную ядом бумажную полоску. То есть она не знала, что это яд, она думала, что рекламирует расфуфыренной покупательнице модный аромат. А у Полины задрожали колени и легкие наполнились свинцом.

– Вы плачете? – удивилась продавщица.

– У меня аллергия, – буркнула Полина.

Она не умела, не хотела плакать при всех, возбуждая интерес зевак, и в то же время было невыносимо играть, когда внутри все дрожит.

Бросилась в туалет. Заперлась в кабинке и рухнула на кафельный пол, ободрав колено. С треском лопнул чулок.

Полина сидела на полу и роняла слезы в унитаз. А потом ее вывернуло наизнанку, она легла на пол и прижалась раскаленным лбом к затоптанному кафелю.

Самооценка в свободном падении. Отрицаемое ею время клоунски растягивает губы: старая, жалкая, смешная.

Роберт.

Беззаботная мальчишеская улыбка, серое море штормит в глазах, на аккуратно постриженных висках брызги седины, между широких бровей напряженная морщинка. Мужчина-мальчик.

Нет, это не была любовь с первого взгляда. Впервые увидев Роберта, она подумала: «Ну что за идиот?»

На танцполе самого престижного клуба города он умудрялся обжиматься с тремя манекенщицами сразу, и его белоснежная футболка (вкуче с белоснежной улыбкой) флюоресцировала в дискотечном ультрафиолете.

– Видишь, америкос как выпендривается, – рассмеялась ее приятельница Марина, сериальная актриса.

Маринин возраст грубо выпихивал ее из привычного амплуа инженеру, но ее инфантильность мешала с этим смириться. Марина сильно загорала, стриглась под Мэрилин Монро и считала некоторую старомодность образа своей изюминкой. Почему-то она игнорировала тот факт, что большинство эротических моделей косят под великую Мэрилин, а от актрисы как раз требуется гибкость образа. Неважно. Главное, что в тот вечер Марина привела ее в клуб, где Поля встретила его.

– Обалдел, поди, от русской красоты.

– Откуда ты знаешь, что он америкос?

– Да ты что? – выпучила глаза Марина. – Он не просто америкос, он еще и миллионер. Его отец – медийный магнат, а сам он продюсирует какой-то блокбастер. А знаешь, зачем он в Москву приехал?

– Зачем?

– Ему нужна актриса на главную роль! По сюжету она русская! – торжествующе воскликнула Марина. – И угадай, кого пропихнули на кастинг?

– Судя по твоему лукавому виду, тебя, – улынулась Поля.

– Вот именно! – По Марининой интонации можно было подумать, что кастинг ею уже успешно пройден.

Возможно, так оно и было. Марина вечно путалась с какими-то бандитами, таким ничего не стоит подсадить Пенелопу Крус и водрузить на ее место такую вот Маринку Иванову, кото-

рая сначала сольется в экстазе с Брэдом Питтом, а в титрах не забудет передать привет Толян, Колян и светлой памяти погибшего в перестрелке Вована.

Наверное, Роберт так и остался бы для нее одноразовым впечатлением, если бы Марина не произнесла роковую фразу:

– А хочешь, поехали со мной? Будет весело!

От скуки ли или потому что неписанный закон городского выживания гласит: чем больше у светской девушки знакомств, тем больше у нее шансов, Полина согласилась. Не подозревая о том, что это равнодушное «да» еще много раз сыграет против нее – одинокими ночами, когда она точно знала, что он греет постель костлявым Мисс Хрен Знает Что, удушающими приступами ревности, экспериментами с алкоголем, нерожденным ребенком и внезапно принятым решением больше никогда не пытаться завести детей.

В тот момент они оба еще были самими собою. Роберт – веселым бабником в белой футболке, Полина – холодной принцессой серого города, который отбирает надежду гораздо чаще, чем ее дает.

Она и сама не поняла, что же произошло. Ее сознание не нащупало ту отправную точку, с которой стартовала катастрофа.

Будничное утро, привычная серость за окном, хлюпающая слякоть вцепилась в сапоги, как колорадский жук в картофельный лист. Стоя в пробке на Ленинском, она тысячу раз пожалела о том, что поддалась на Маринкину провокацию. Ну разве ей может быть интересно понаблюдать за тем, как обнаглевший голливудский мужлан пошлет к черту тридцатипятилетнюю русскую актрису, возомнившую, что она может сыграть студентку колледжа?

Про студентку ей Марина рассказала утром, по телефону. Русская студентка по гранту приезжает в американский колледж, где сталкивается со снобизмом, ксенофобией и чуть ли не некрофилией: вот в чем заключался сюжет фильма, с помощью которого Марина Иванова надеялась прорваться на обложку американского «In Style».

– А ты уверена... Нет, я ничего не хочу сказать, но... Марин, ты ж взрослая баба, а там совсем свежее лицо нужно, – попробовала образумить ее Полина.

Но разве можно образумить почуявшего сметану кота?

– Ерунда. Я специально сделала химический пилинг, если снимать через чулок, сойду и за пятнадцатилетнюю.

– Как это, через чулок? – Поля не знала, смеяться ей или плакать.

– Говорят, Гурченко через капроновый чулок снимают. А что, стильный ход.

Конечно, все получилось так, как и предполагала Полина. На кастинг явилось больше сотни приятно возбужденных актрис, почти все они были намного моложе и красивее Марины, ради удовлетворения амбиций были готовы на все, и это емкое ВСЕ сочилось из их нахальных порочных глаз, угадывалось в очертаниях их затянутых в дорогое белье грудей, звало, манило, орало о доступности.

Роберту хватило одного беглого взгляда, скользнувшего по Марининому лицу, чтобы понять: ей не видать даже фотопробы.

Утренний Роберт понравился Поле гораздо больше, чем ночной. Она вдруг разглядела, что концентрированный мачизм, показавшийся ей при тусклом освещении ночного клуба бездарной материализацией кризиса среднего возраста, на самом деле и есть его внутренняя сущность. Он был мужчиной, мужиком в самом первобытном значении этого слова, бездонным сосудом тестостерона. Сердце кольнула прохладная мятная игла, никогда в жизни близость мужчины, чужого мужчины, незнакомого, так не действовала на Полину.

Должно быть, он почувствовал это на гормональном уровне, как кобель за много километров чует течную суку.

Во всяком случае, на Полином лице его взгляд задержался несколько дольше, чем на Маринином.

– Вы тоже на кастинг?

– Нет, я из группы поддержки, – улыбнулась она. И почувствовала резкий толчок в бок, Марина намекала о том, что настал момент проявить чистую женскую дружбу. – Актриса – моя подруга. Может быть, все-таки позвольте ей пройти фотопробы? У нее интересное лицо, гамма эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.